

ОШО. СТАТЬ СОБОЙ
ОШО. ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШИ
ЭСТЕР И ДЖЕРРИ ХИКС. САРА

Ошо-классика

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

**Стать собой: Путь к
самопознанию. Сара.
Путешествие ребенка в мир
безграничной радости. Исцеление
души: 100 медитативных
техник, целительных
упражнений и релаксаций**

ИГ "Весь"

1995, 1999, 2002

УДК 159.9
ББК 86.39

Раджниш (Ошо) Б.

Стать собой: Путь к самопознанию. Сара. Путешествие ребенка в мир безграничной радости. Исцеление души: 100 медитативных техник, целительных упражнений и релаксаций / Б. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", 1995, 1999, 2002 — (Ошо-классика)

ISBN 978-5-9443-9741-6

Сборник состоит из книг: Стать собой. Путь к самопознанию; Сара. Путешествие ребенка в мир безграничной радости. Роман; Исцеление души. 100 медитативных техник, целительных упражнений и релаксаций.

УДК 159.9

ББК 86.39

ISBN 978-5-9443-9741-6

© Раджниш (Ошо) Б., 1995, 1999, 2002

© ИГ "Весь", 1995, 1999, 2002

Содержание

Стать собой	6
Почему я боюсь принимать себя таким как есть?	6
В чем разница между скромностью, застенчивостью и вызванной страхом замкнутостью?	14
Всю свою жизнь я пытался изменить себя; но, кажется, ничего не меняется – я остаюсь прежним. Я безнадежен?	21
Почему я тебе не доверяю?	24
Что важнее – «быть собой» или «познать себя»?	30
Об авторе	39
ОШО-ЦЕНТР МЕДИТАЦИИ И ОТДЫХА OSHO®	40
MEDITATION RESORT	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ОШО

Хикс Эстер и Джерри Ошо

**Стать собой. Путь к самопознанию
+ Сара. Путешествие ребенка в мир
безграничной радости. Роман + Исцеление
души. 100 медитативных техник,
целительных упражнений и релаксаций**

ОШО является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Стать собой

*Твоя жизнь может быть
полна блаженства.
Но путь только один:
ты должен просто быть собой,
каким бы ты ни был.
Прими себя.
Прими себя как дар,
принесенный тебе существованием;
будь благодарен и начни искать то,
что поможет тебе расти,
поможет не стать чьей-то копией....*

Ошо

Почему я боюсь принимать себя таким как есть?

В таком же положении все люди. Каждый боится принимать себя таким как есть. Такова обусловленность, которую многовековое прошлое человечества прививает каждому ребенку, каждому человеческому существу.

Эта стратегия проста, но очень опасна. Стратегия состоит в том, чтобы осудить человека и дать ему идеалы, таким образом побуждая его постоянно пытаться стать кем-то другим. Христианин пытается стать Иисусом, буддист пытается стать Буддой, – и кажется, этот механизм, уводящий человека прочь от самого себя, настолько действен, что даже те люди, которые его применяют, возможно, сами того не сознают.

То, что сказал Иисус на кресте, – его последние обращенные к человечеству слова бесконечно важны, особенно в данном контексте. Он молил Бога: «Отец, прости этих людей, ибо они не ведают, что творят». Это применимо к каждому отцу и к каждой матери, к каждому учителю, к каждому священнику и к каждому моралисту – ко всем тем людям, которые управляют обществом, культурой, цивилизацией; которые пытаются отлить в определенную форму бытия каждую индивидуальность. Может быть, эти люди также не ведают, что творят. Может быть, они думают, что стараются ради вашего блага. Я не подвергаю сомнению их добрые намерения, – но, безусловно, вы должны понимать, что эти люди невежественны; что они бессознательны.

Появившись на свет, маленький ребенок попадает в руки бессознательного общества. И бессознательное общество начинает отливать ребенка в форму, соответствующую своим идеалам, забывая самое главное: у ребенка есть собственный, уникальный потенциал; ребенок родился не для того, чтобы вырасти в Иисуса, Кришну или Будду, он родился для того, вырасти в самого себя. Если он не сможет вырасти в самого себя, всю жизнь он будет совершенно несчастен. Жизнь станет для него сущим адом, сущим проклятием, и он сам не будет знать, что с ним случилось. С самого начала его направили не в ту сторону, подтолкнули в неверном направлении.

Люди, подтолкнувшие его в неверном направлении, – те самые люди, которых он считает любящими. Он считает их своими благодетелями, тогда как на самом деле они его величайшие враги. Родители, учителя, священники, вожди общества – величайшие враги всякой индивидуальности, которая родилась до сих пор на этой Земле. Сами не сознавая, что делают, они уводят вас прочь от самих себя.

А чтобы увести вас прочь от себя, нужно насадить в вас абсолютную обусловленность только в одном: такие как есть, вы ничего не стоите, ничего не заслуживаете, ни на что не годитесь. Конечно, ты сможешь заслужить уважение и приобрести достоинство – если будешь следовать чужим правилам и предписаниям. Если тебе удастся стать лицемером и им оставаться, ты достигнешь престижного положения в обществе.

Но если ты упорствуешь и остаешься искренним, честным и настоящим; если ты упорствуешь в том, чтобы быть собой, тебя осудят все. А чтобы выдержать всеобщее осуждение, нужно величайшее мужество. Нужно иметь внутренний стержень и быть железным человеком, чтобы, оставшись одному против всех, стоять на своем: «Я буду самим собой и никем другим, – хорошо это или плохо, приемлемо или не приемлемо, престижно или не престижно. Одно определено: я могу быть только самим собой, никем другим». Для этого нужен абсолютно революционный подход к жизни. Вот первый и главный бунт, необходимый каждому, кто хочет освободиться из замкнутого круга страдания.

Ты спрашиваешь: «Почему я боюсь принимать себя таким как есть?» Потому что тебя никто никогда не принимал таким как есть. Вот откуда взялся этот страх, и теперь ты заранее боишься, что если ты примешь себя, то будешь отвергнут всеми. Каждое общество, каждая культура, существовавшие до сих пор, ставят непреложным условием: либо ты принимаешь себя – и тебя отвергают все; либо ты отвергаешь себя – и получаешь всеобщее уважение, честь, респектабельность в обществе.

Выбор действительно трудный. Очевидно, что большинство выберет респектабельность, – но с респектабельностью приходят всевозможные тревоги, внутренняя тоска, чувство бессмысленности; и жизнь кажется похожей на пустыню, где ничто не растет, где никогда не зеленеет трава, где никогда не цветут цветы; где можно идти и идти без конца, но так и не встретить оазиса.

Мне вспомнился Лев Толстой. Толстой описывает сон, который снился ему многократно, – и который почти сто лет пытаются истолковать психоаналитики различных школ. Сон был очень странный – странный для всех, кроме меня. По-моему, для его толкования нужен не психоанализ, а простой здравый смысл. Сон часто повторялся на протяжении многих лет, странный кошмарный сон, – и каждый раз Толстой просыпался среди ночи в холодном поту, хотя в этом сне не было никакой опасности.

Но если понять бессмысленность этого сна... сон был страшен своей бессмысленностью, от бессмысленности же он превратился в кошмар. Этот сон символически изображает жизнь каждого, почти каждого человека. Ни одной школе психоанализа не удалось разгадать этот сон, – потому что ему нет ни параллелей, ни прецедентов.

Каждый раз сон повторялся в точности: бескрайняя пустыня, – сколько хватает глаз, пустыня без конца... и пара башмаков, в которых Толстой узнаёт свои собственные, – они идут и идут по пустыне. Его самого нет... слышен только звук шагов на песке, звук башмаков, ступающих по песку; и звук продолжается и продолжается без конца, потому что пустыня бесконечна. Башмаки никогда никуда не приходят. Позади он видит уходящие на много миль следы; перед собой он видит башмаки, которые все идут и идут дальше.

На обычный взгляд, такой сон вряд ли покажется кошмарным. Но если посмотреть немного глубже... Каждый день... каждую ночь один и тот же сон – о совершенной тщетности, о дороге в никуда. Кажется, нет никакого предназначения... и нет никого, чтобы ступать по песку – башмаки пусты.

Толстой рассказывал этот сон всем знаменитым в России психоаналитикам своего времени. И никто не мог разгадать его смысла, потому что ни в каких книгах не было описания сна, который был бы хоть немного похож на этот. Он совершенно уникален. Но, по-моему, психоанализ здесь вообще не при чем. Это простой сон, и он символизирует жизнь каждого человеческого существа. Вы идете по пустыне, потому что идете вы не к цели, внутренне свой-

ственной вашему существу. И вы никогда никуда не придете. Чем дальше вы углубляетесь в пустыню, тем дальше уходите от себя. И чем больше вы ищете смысла... вы найдете сущую пустоту и ничего кроме нее. Вот в чем смысл. Человека нет; башмаки шагают пустые.

Вас нет в том, что вы делаете.

Вас нет в том, что вы собой представляете.

Вас нет в том, что вы из себя изображаете. Сущая пустота, чистой воды лицемерие. Но такая ситуация создается очень просто: скажите всем людям, что, такие как есть, они недостойны, недостойны даже существовать. Такие как есть, они уродливы, – несчастная ошибка природы. Такие как есть, они должны стыдиться себя, потому что в них нет ничего достойного уважения и чести.

Естественно, каждый ребенок начинает делать то, что считается достойным. Он становится все более и более фальшивым, все более и более ненастоящим, все более и более отдаляется от своей подлинной реальности, от самого своего существа – и тогда возникает страх.

Как только внутри рождается желание познать себя, за ним всегда следует сильнейший страх. Страх того, что если вы найдете себя, то потеряете к себе уважение – даже в собственных глазах.

Общество слишком довлеет над каждой индивидуальностью. Из всех сил оно старается обусловить вас так глубоко, чтобы вы стали думать, что эта обусловленность *и есть вы*. Вы становитесь частью общества вопреки собственному существу. Вы становитесь христианином, вы становитесь индуистом, вы становитесь мусульманином, совершенно забывая, что родились просто человеческим существом – без определенной религиозной, политической, национальной, расовой принадлежности. Вы родились чистой возможностью, потенциалом роста.

В моем понимании, духовный поиск должен снова привести вас к самим себе, – чем бы это ни грозило, чем бы ни пришлось рискнуть. Вы должны вернуться к себе. Может быть, вы не найдете внутри себя Иисуса, – но это и ни к чему. Одного Иисуса вполне достаточно. Может быть, вы не найдете внутри Гаутаму Будду – и прекрасно, потому что, если Гаутам Будд в этом мире станет слишком много, будет просто скучно. Существование не хочет никого создавать дважды. Существование создает людей как нельзя более творчески, внося нечто новое в каждую индивидуальность: новый потенциал, новые возможности, новые высоты, новые измерения, новые вершины.

Стать настоящим искателем значит взбунтоваться против всего общества, всех культур и всех цивилизаций; взбунтоваться по той простой причине, что все они против индивидуальности.

Я целиком и полностью за индивидуальность. Я готов пожертвовать всеми обществами, всеми религиями, всеми цивилизациями мира и всей историей человечества ради одной-единственной индивидуальности. Индивидуальность – самое ценное явление, потому что индивидуальность принадлежит существованию.

Тебе придется отбросить страх. Он был тебе навязан, он не естественен. Посмотри на любого маленького ребенка: он прекрасно принимает себя; он ничего в себе не осуждает. Он нисколько не хочет быть никем другим. Но по мере взросления каждый отдаляется от себя. Тебе придется набраться храбрости и вернуться к себе. Все общество будет пытаться тебе помешать; тебя будут осуждать. Но пусть тебя осуждают хоть весь мир – это все равно гораздо лучше, чем оставаться несчастным, ненастоящим, фальшивым и жить не своей жизнью.

Твоя жизнь может быть полна блаженства. Но путь только один, второго пути нет – и вот этот единственный путь: ты должен просто быть собой, каким бы ты ни был. Отсюда, из этого глубокого принятия себя и уважения к себе ты начнешь расти. И ты расцветешь своими собственными цветами – не христианскими, не буддистскими, не индуистскими, – и твои собственные, уникальные цветы внесут новый вклад в сокровищницу существования.

Но безмерная храбрость нужна, чтобы ступить на путь одному, отделившись от всей толпы и оставив проторенную дорогу. Оставаться в толпе тепло и уютно; в одиночестве, естественно, становится страшно. Ум внутри непрерывно доказывает, что все человечество не может ошибаться: «А ты уходишь, один? Лучше остаться в толпе, потому что, если что-нибудь случится, ты не будешь ответствен».

Ответственна вся толпа. Как только ты отделяешься от толпы, ты принимаешь свою долю ответственности на себя. Если что-то случится, ответствен будешь ты.

Но помни нечто очень важное: ответственность это одна сторона монеты, другая же ее сторона – свобода. Или они есть у тебя, обе разом, или нет ни одной. Если ты не хочешь ответственности, ты не можешь получить свободы. А без свободы нет роста.

Так что тебе придется взять на себя ответственность и жить в абсолютной свободе, чтобы ты мог расти, каким бы ни был твой потенциал... Может быть, ты вырастешь в розовый куст; может быть, ты вырастешь в обычную маргаритку – или в безымянный полевой цветок... Но одно можно сказать точно: во что бы ты ни вырос, ты будешь безмерно счастлив. Ты будешь так блажен, насколько это возможно для человека. Может быть, ты не получишь респектабельности – а получишь, напротив, всеобщее осуждение. Но глубоко внутри тебя будет такая ликующая радость, какую может чувствовать одна лишь свободная индивидуальность. И лишь свободная индивидуальность способна расти к высшим уровням сознания, способна подниматься к высотам гималайских вершин.

Общество делает все возможное, чтобы все его члены пребывали в умственно отсталом состоянии, чтобы каждый был как можно глупее. Обществу нужны идиоты; оно принимает меры, чтобы в него как-нибудь не затесались разумные люди. Оно боится разума, потому что разум всегда бунтует против рабства, против предрассудков и суеверий, против эксплуатации в любых проявлениях, против глупости в любом виде, против дискриминации в любой форме – национальной или классовой, по расовому признаку или по цвету кожи.

Разум всегда мятежен. Только идиоты всегда послушны. Даже Бог пожелал, чтобы Адам был идиотом... – так как его кровный интерес требовал, чтобы Адам и Ева оставались невежественными: иначе они перестали бы ему поклоняться.

Я считаю дьявола первым в мире революционером, самой значительной фигурой во всей истории. В смысле цивилизации и прогресса мы многим обязаны дьяволу – а вовсе не Богу. Богу угодны были только глупый Адам и глупая Ева; послушайся тогда Адам Бога, и все вы до сих пор жевали бы траву в Эдемском саду! Человек начал развиваться, потому что он восстал против Бога. Бог повел себя как авторитарный режим – Бог символизирует режим, авторитарность, власть, господство. Никакой разумный человек не может быть обращен в рабство; он скорее умрет, чем станет рабом. Разумного человека невозможно эксплуатировать; и никакой силой нельзя заставить его отступить от собственного центра.

Единственная религия, в которую я верю, – религия бунта. Кроме нее, ничто не религиозно; кроме нее, у вашего сознания нет возможности подняться к самим вершинам потенциала, который вы, как спящую энергию, несете внутри.

Пэдди, недавно вступивший в местный клуб парашютистов, сидел в самолете в ожидании своего первого прыжка. Все шло прекрасно, пока очередь прыгать не дошла до Пэдди.

– Стой! Стой! – закричал ему инструктор. – Ты же не надел парашют!

– Ничего страшного, – ответил Пэдди. – Ведь мы еще только тренируемся?

Обществу нужны такие идиоты. Они послушны, они беспрекословно подчиняются, они готовы позволить себя эксплуатировать, они готовы позволить себя низвести почти до скотского состояния.

Итак, не бойся принять себя. Именно в принятии свое настоящее сокровище, именно в принятии твой дом. Не слушай так называемых мудрецов – этих убийц, отравивших миллионы человеческих жизней, поломавших миллионы человеческих жизней, отнявших у них всякое значение и смысл...

Кто ты, неважно. Важно то, чтобы ты оставался собой, точно таким как есть, потому что с этого начинается рост.

Вот тебе несколько сутр для медитации... может быть, они придадут тебе храбрости, помогут стать немного разумнее.

Все одинаково невежественны, но каждый – в своей собственной области.

То есть: не тревожься о своем невежестве, таковы все люди.

Все люди рождаются свободными, но некоторые женятся.

Будь начеку, только и всего – и свобода тебе обеспечена!

Иллюзии – величайшее из всех удовольствий.

Помни, жизнь роста выше и глубже обыденной жизни удовольствия. Удовольствие не так уж важно; это все равно что почесать, где чешется: это довольно приятно, но ненадолго. Если не остановиться, расчешешься до крови, и тогда удовольствие превратится в боль. А все вы знаете, что все ваши удовольствия превращаются в боль.

Человек разума ищет нечто такое, что никогда не превращается в боль, страдание, тревогу, тоску. То, что я называю блаженством, не удовольствие, потому что блаженство не может быть обращено в свою противоположность. У блаженства нет противоположности.

Поиск должен быть устремлен к вечному; и к опыту вечного потенциально способен каждый. Но радости физического тела, удовлетворение биологических позывов, удовольствие от еды отнимают у людей слишком много времени из того краткого срока, что отпущен им на этой земле для роста.

Я слышал...

К психиатру пришел посетитель.

– Я в большой тревоге, – сказал он. – Моя жена непрерывно ест. Целыми днями она сидит на диване и смотрит телевизор, и даже перед телевизором она продолжает есть – какое-нибудь мороженое, например. А если она ничего не ест, то все равно жует резинку. Ее челюсти просто не могут остановиться... Она потеряла всю красоту; она превратилась в какую-то бесформенную массу! Что мне делать?

– Попробуйте одно средство, – сказал психиатр. – Успех гарантирован: я уже испытывал его на многих своих пациентах, – и с этими словами он дал ему фотографию красивой обнаженной девушки.

– Боже мой! – воскликнул посетитель. – Да как же эта фотография поможет?

– Не беспокойтесь, поймите сначала нашу стратегию, – сказал психиатр. – Вы должны повесить фотографию в холодильнике. Приклейте ее так прочно, чтобы жена не смогла ее оторвать. Каждый раз, открывая холодильник, она будет сравнивать себя с этой красивой девушкой... И, скорее всего, начнет худеть. Дайте ей только образец для сравнения.

Через три или четыре месяца психиатр, так и не дождавшись возвращения своего посетителя, сам пришел к нему домой, желая выяснить, что случилось. Его глазам предстала невероятная картина! Посетитель, растолстевший до невозможности, сидел на диване, смотрел телевизор и жевал резинку.

– Что это с вами? – спросил психиатр. – Что случилось?

– Это все проклятая фотография! Из-за нее я стал то и дело открывать холодильник, чтобы взглянуть еще разок. А когда открываешь холодильник, естественно, хочется перекусить: так вкусно пахнет... и вот: теперь я только и делаю, что открываю холодильник,

а открыв холодильник, начинаю есть. Ваше средство сработало, только эффект оказался противоположным задуманному.

Люди живут так глупо. Кто-то, например, непрерывно ест, – доктора запрещают, все говорят об опасностях переедания, – и какое этот человек получает удовольствие? Вкус ощущает только маленький участок языка; как только пища минует этот участок, вы больше не чувствуете вкуса, не получаете удовольствия. Это же сущая глупость! Но люди гонятся за всеми возможными удовольствиями, не сознавая даже, что тратят впустую драгоценное время. За это самое время кто-то мог стать Гаутамой Буддой, за это самое время кто-то мог стать Сократом. То же время, та же энергия, тот же потенциал... А вы растрачиваете все это в погоне за совершенно бессмысленными вещами.

Лишь очень немногие владеют искусством: иногда ничего не делать. Ничего не делая, ты просто чистое бытие. Делать и быть – два способа прожить жизнь, два возможных образа жизни. Жизнь «делания» обыденна; жизнь бытия возвышенна, божественна. Я не говорю, что вы должны прекратить делать что бы то ни было, я говорю, что «делание» должно быть в вашей жизни второстепенно, первостепенно должно быть бытие. «Делание» должно предназначаться только для удовлетворения насущных потребностей, бытие же должно быть вашей настоящей роскошью, вашей настоящей радостью, вашим настоящим экстазом.

Невежественные люди кажутся очень счастливыми, – потому что они не знают, ради чего живут. Они не знают, что есть определенная задача, которую нужно выполнить. Они как дети, бесконечно играющие с плюшевым мишкой. Ваши плюшевые мишки могут видоизменяться: чей-то плюшевый мишка превратился в деньги, для кого-то плюшевым мишкой стали женщины, для кого-то плюшевым мишкой стали мужчины. Но что бы вы ни делали, – а вы испытываете счастье оттого, что денег становится больше, что вы нашли новую подружку, что вас повысили в должности, – вы на вершине счастья. Такое счастье невозможно без некоторой умственной отсталости.

Разумный человек непременно увидит, что все эти мелочи жизни мешают развить внутренний потенциал до наивысшей точки. Из-за них вы тратите время попусту, из-за них вы ведете жизнь, которую можно описать как постепенное продвижение в сторону кладбища, где она и окончится. Разумный человек задается вопросом, – и этот вопрос становится главной задачей и поиском его жизни – «Есть ли что-нибудь, кроме кладбища, по ту сторону смерти? Если ничего нет, кроме кладбища, вся эта жизнь иллюзорна и бессмысленна. В жизни может быть значение, в жизни может быть смысл, лишь если по ту сторону смерти есть еще нечто другое».

Но глупец приходит в восторг от любой игрушки, которую ему предоставляет общество. Не будь глупцом.

Еще несколько сутр:

Человеку свойственно ошибаться; а признавать ошибки – это просто божественно!

Всем людям свойственно ошибаться. Когда вы признаете ошибку, без всякого чувства вины – просто признаете, что ничто человеческое вам не чуждо, включая и свойство ошибаться, – ваше существо трансформируется. В вас начинает раскрываться нечто от божественного, нечто от запредельного.

Что ни делается, все к лучшему, – в том числе и худшее.

Если бы не оптимист, пессимист никогда бы не узнал, каким счастливым он никогда не будет.

Люди постоянно сравнивают себя друг с другом. Из-за сравнения они становятся счастливыми, из-за сравнения они становятся несчастными.

Как-то раз я встретился с одним очень почитаемым индуистским святым. Он пригласил еще несколько человек послушать нашу беседу. Он сказал:

– Секрет счастья заключается в том, чтобы всегда оглядываться на тех, кто несчастен. Посмотрите на калеку, и вы будете счастливы оттого, что вы не калека. Посмотрите на слепого, и вы будете счастливы оттого, что вы не слепы. Посмотрите на нищего, и вы будете счастливы оттого, что не прозябаете в нищете.

Мне пришлось прервать его. Я сказал:

– Вы упускаете из виду один простой факт. Начав сравнивать, человек уже не может остановиться и сравнивать себя только с теми, кто несчастен. Он начнет смотреть и на тех, кто богаче его, сильнее, красивее, уважаемее. И тогда он будет несчастен. Вы не дадите человеку секрета счастья; ваш секрет сделает его абсолютно несчастным.

И этому учили веками – в разных словах; но по существу секрет один и тот же – почти все религиозные писания говорят: «Радуйтесь, потому что есть люди, которые несчастнее вас. Благодарите Бога, что вы не так несчастны».

Но процесс не может оставаться односторонним. Научившись сравнению, вы уже не можете сравнивать себя только с теми, кому хуже, чем вам. Неизбежно придется сравнивать себя и с теми, кому лучше, чем вам, – и тогда воцарится полнейшее несчастье.

Сравнивать вообще неправильно. Вы есть вы, и нет другого человека, с которым вас можно было бы сравнить. Вы несравненны. Как и любой другой человек.

Никогда не сравнивайте. Сравнение входит в число причин, запутывающих вас в сетях обыденности, потому что сравнение порождает соревнование, сравнение порождает честолюбие. Сравнение никогда не приходит в одиночестве, оно приводит с собой всех своих спутников. Если вы начали соревноваться, этому уже не будет конца; скорее наступит конец вам самим. Став честолюбивыми, вы направите свою жизнь по самому глупому пути.

Однажды Генри Форду задали вопрос... – может быть, он был одним из самых мудрых людей своего столетия, потому что в его кратких афоризмах много глубины и смысла. Он был первым, кто назвал историю ахинеей, – и совершенно справедливо. Его спросили: «Чему вы научились из опыта жизни, увенчанной таким успехом?» – а он был одним из самых преуспевающих людей, каких только можно себе представить; выйдя из бедной среды, он стал самым богатым человеком в мире, и его ответ был замечателен. Генри Форд ответил:

– За всю свою успешную жизнь я научился только одному: карабкаться по лестницам, взбираться по лестницам. Но теперь, добравшись до последней ступеньки, я чувствую себя очень глупо и очень неловко, потому что дальше идти некуда.

– Людям, которые взбираются за мной следом по той же лестнице и которым приходится бороться за каждый шаг, я не могу посоветовать стремиться к ее вершине – на которой я чувствую себя так глупо. Ради чего я боролся?... – но никто меня не слушает, если я скажу: «Где бы вы ни были, остановитесь. Не теряйте времени даром – потому что там, куда вы стремитесь, ничего нет. Как только вы оказываетесь на вершине, вы застряли. Спуститься нельзя, потому что это похоже на отступление, и продвигаться дальше нельзя, потому что дальше продвигаться некуда».

Президенты, премьер-министры чувствуют, что они застряли. Они знают, что теперь им остается только одна возможность: падение. Подниматься дальше некуда; с того места, где они оказались, продвигаться некуда – можно только упасть. И они цепляются за свои посты. Но такую жизнь нельзя назвать правильной. Сначала вы карабкаетесь по лестницам, боретесь с другими за каждый шаг, – и все для того, чтобы в конце концов застрять на последней ступени лестницы и вцепиться в нее, чтобы ее не отнял никто другой! Это что же, сумасшедший дом?

Человек превратил свою планету в сумасшедший дом. Если ты хочешь остаться в здравом уме, прежде всего будь собой, без малейшего чувства вины, без малейшего осуждения. Прими себя, – в простоте и скромности.

Прими себя как дар, принесенный тебе существованием; будь благодарен и начни искать то, что поможет тебе – такому как есть – расти; поможет не стать чьей-то копией, но просто и подлинно оставаться собой.

Нет экстаза выше, чем подлинно быть собой.

В чем разница между скромностью, застенчивостью и вызванной страхом замкнутостью?

Разница между скромностью, застенчивостью и вызванной страхом замкнутостью очень велика. Но люди так бессознательны, что не могут разобраться даже в собственных действиях, в собственных откликах на ситуации; иначе разница была бы так ясна, что отпала бы всякая необходимость в этом вопросе.

Для начала нужно глубже понять слово «скромность». Во всех религиях это слово истолковывалось неправильно; под «скромностью» понималось только лишь нечто противоположное «эгоизму». Но это неверно. Даже полная противоположность эго все-таки останется тем же эго, – только спрятавшимся за новый фасад. Иногда это можно наблюдать в так называемых скромных людях: они считают себя самыми скромными на свете – а что это, если не эго? Скромность такого языка не знает.

Я уже как-то рассказывал историю о трех христианских монахах. Их монастыри были в горах, неподалеку друг от друга, и каждый день монахи встречались на перепутье. Однажды, когда было особенно жарко, они решили передохнуть и немного поговорить. Ведь все они были христиане; хотя они и принадлежали к трем разным течениям, в основе всех трех лежало христианство.

Они сели в тени под деревом, и первый монах сказал:

– Бесспорно, ваши монастыри не лишены некоторых достоинств, но такой мудрости, такой учености, как в нашем монастыре, нигде больше не найти.

– Раз уж ты заговорил об этом, – сказал второй, – вот тебе мой ответ: пусть даже твой монастырь и кладезь учености, главное все равно в другом. Нигде не найдешь такой дисциплины, такого аскетизма, как у нас в монастыре. Своим аскетизмом мы побиваем всех, а в судный день, имейте в виду, никакая ученость вам не зачтется. Зачтется только аскетизм.

Третий засмеялся и сказал:

– Вы оба правы, и оба ваши монастыря хороши, но вы не понимаете подлинной сути христианства: она заключается в скромности. А в скромности неоспоримое превосходство принадлежит нам!

Скромность и превосходство? – значит, это просто подавленное эго. Если посулить человеку рай со всеми его удовольствиями и наслаждениями, он способен подавить свое эго и стать скромным – из жадности, из величайшей жадности. Прежде чем я смогу тебе объяснить, что такое истинная скромность, ты должен понять, что такое ложная скромность. Пока ты не поймешь ложного, невозможно дать определение истинному. Больше того: при понимании ложного истинное само проясняется в твоём **видении**.

Ложная скромность – только подавленное эго, которое притворяется скромным, но на самом деле хочет превосходства. Подлинная скромность не имеет с эго ничего общего; подлинная скромность есть отсутствие эго. Она не претендует ни на какое превосходство. Это простое и чистое понимание, что нет никого выше, что нет никого ниже; что люди есть люди, человек есть человек, и каждый несравненно уникален. Невозможно сравнивать людей друг с другом и разделять на высших и низших.

Поэтому подлинно скромного человека очень трудно понять: он скромнее не той скромностью, которая считается скромностью в обычном понимании. Тебе встречались сотни скромных людей, но все они были эгоистами, а твоё **видение** недостаточно глубоко, чтобы распознать их подавленное эго.

Однажды ко мне пришла женщина – молодая, красивая женщина; она была миссионером, христианской проповедницей. Она вручила мне Святую Библию и несколько буклетов, и ее вид выражал величайшую скромность. Я сказал ей:

– Унесите весь этот хлам. Ваша Библия – одно из самых святотатственных писаний на свете.

Она так и взорвалась; она забыла всю свою скромность. Я сказал:

– Оставьте мне Библию, если хотите. Это было только средство, чтобы показать вам ваше настоящее лицо. В вас нет скромности, – в противном случае вас бы это не задело.

Задеть можно только эго.

Нельзя задеть скромного человека.

Настоящая скромность – просто отсутствие эго. В настоящей скромности ты отбрасываешь личность целиком, вместе со всеми ее прикрасами, которыми успел себя окружить, и становишься как маленький ребенок, который не знает, кто он, который ничего не знает об этом мире. Его глаза ясны, и в его восприятии – более чувствительном – зеленые деревья зеленее, чем для тебя. Твои глаза полны пыли, которую ты называешь знанием. Зачем же ты собираешь пыль, из-за которой слепнешь?.. – затем, что в мире знание придает эго величайшую энергию. Ты знаешь, другие не знают.

Скромный человек ничего не знает. Он описал полный круг и вернулся в исходную точку: к детской невинности. Он всему удивляется. Всюду он видит тайны. Он собирает камешки и раковины на морском берегу – и радуется так, будто находит бриллианты, изумруды и рубины.

В детстве я доставлял много беспокойства моей матери, а также и моему портному. Я говорил ему:

– Пришей на штаны побольше карманов.

– Только при одном условии, – отвечал он, – ты никому не будешь рассказывать, кто шьет тебе штаны. Из-за тебя я теряю клиентов. Они говорят: «У этого портного в голове не все дома»...

Потому что карманы у меня были пришиты спереди, сзади, по бокам, всей штанине: сколько умещалось. Я просил его:

– Пришивай карманы везде, где найдется хоть немного места.

– Ты совсем с ума сошел? – говорил он.

– Думай обо мне, что тебе угодно, – отвечал я, – но мне нужны все эти карманы до последнего.

А дело было в том, что в моей деревне, на берегу реки было много красивых камешков разных цветов. Я их собирал и клал в карманы, и для каждого цвета нужен был отдельный карман.

Моя мать очень сердилась, потому что я всегда ложился спать со всеми своими камешками в карманах. Она приходила, когда я засыпал, и начинала их вытаскивать: «Как ты можешь спать, когда у тебя в карманах столько камней?» Я ей говорил, что так нечестно: обшаривать мои карманы, пока я сплю.

Детству свойственна удивительная ясность. Видимый под таким углом – так ясно, так прозрачно – весь мир кажется чудом.

Скромный человек возвращается к этому полному чудес существованию. Мы принимаем его как должное; но мы не видим, как из одной и той же земли вырастает и лотос, и роза, и миллионы других цветов. Земля бесцветна; откуда берутся все эти прекрасные цвета? Земля очень груба; откуда берутся эти бархатные розы? В земле нет зелени; откуда берутся зеленые деревья?

Скромный человек живет так, будто он снова стал ребенком. У него нет претензий, есть только благодарность, – благодарность за все; даже за такие вещи, в которых нельзя и заподозрить возможности быть благодарным.

Джуннайд, суфийский мистик, совершал паломничество со своими учениками. В его мистической школе было почти обыкновением, чтобы ученики молились вместе с мастером. Его молитва была всегда одной и той же, и в конце ее он всегда благодарил Бога: «Как мне отплатить тебе? Ты даешь мне так много, ты изливаешь на меня столько блаженства, но никогда не думаешь о том, как я смогу тебе отплатить. У меня нет ничего, кроме благодарности. Прости мне мою бедность, но я могу только поблагодарить тебя: спасибо за все прекрасное, что ты мне дал».

Никто не возражал против этой молитвы. Мистическая школа Джуннайда процветала, люди съезжались к нему из самых дальних мест; школа стала одной из самых богатых суфийских школ. Но во время паломничества в учениках зародились сомнения по поводу последней части молитвы.

Однажды путь привел их в деревню, где жили фанатики...

Среди ортодоксальных мусульман суфиев не признают настоящими мусульманами, – тогда как во всем мире они единственные настоящие мусульмане. Мусульмане, ортодоксальные мусульмане и их священники осуждают суфизм как заблуждение, – потому что суфии покидают толпу, чтобы идти своим собственным, одиноким путем. Они не слишком церемонятся с традицией и открыто объявляют: «Если традиция в чем-то нехороша, мы ее исправим».

Например, когда мусульмане молятся Богу, их молитва оканчивается словами, что есть лишь один Бог, и нет Бога кроме Бога мусульман; что нет священной книги кроме Корана, и нет пророка кроме Хазрата Мухаммеда.

Суфии не договаривают до конца: они говорят только, что есть один лишь Бог – и ничего кроме Бога. Они пропускают последние пункты о том, что нет святой книги кроме Корана, и нет пророка кроме Хазрата Мухаммеда. Это оскорбляет ортодоксальных мусульман.

Суфии очень скромные люди, открытые и готовые воспринимать из всех источников: им не важно, будет ли источником христианство, иудаизм или индуизм. Истина есть истина, и неважно, через какую дверь она войдет в ваше существо.

...В этой деревне фанатичных мусульман ученикам Джуннайда не дали ни приюта, ни еды и не позволили даже набрать воды из колодца. Вокруг была пустыня. Так продолжалось три дня: в других деревнях их принимали так же. Холодными ночами они спали на земле, всю ночь дрожа от холода, страдая от голода и жажды, отвергнутые, осужденные. А в последней деревне их стали бить камнями, и только чудом они спаслись от смерти.

Но мастер продолжал молиться совершенно так же, как и всегда в своей школе: «Как много ты дал нам! Твое сострадание бесконечно! Ты знаешь, как мы бедны: нам нечего тебе дать, кроме благодарности сердца».

Это было уже слишком. Три дня без еды, без крова, холодные ночи в пустыне... Ученики не могли больше этого стерпеть: Джуннайд переходит всякую меру. Они сказали:

– Хотя бы теперь, в такую трудную минуту, оставь эти последние слова молитвы.

– Вы не понимаете, – ответил Джуннайд. – Бог дал нам эти три дня для испытания. Его сострадание бесконечно; он только хотел увидеть, бесконечно ли настолько же наше доверие, или в нашем доверии есть условия и оговорки. Если бы в этих трех деревнях вас встретили радушно, накормили, дали приют, чтобы отдохнуть, – а мусульмане очень почитают паломников, – вы не возражали бы против моей молитвы. До сих пор вы всегда были согласны, и теперь в первый раз Бог дает мне возможность показать, что я благодарен не только в хорошие времена; что бы ни случилось, моя благодарность не поколеблется. Даже когда придет смерть, я умру с этими же словами на устах.

Скромный человек живет в благодарности – в благодарности без оговорок и условий, – и не только к существованию, но к человеческим существам, к деревьям, к звездам, ко всему сущему.

Застенчивость – это одно из проявлений эго. Застенчивость возвели в нечто, достойное чуть ли не восхищения. Застенчивый человек... – в особенности восточные женщины: они считаются грациозными и изысканными, потому что они так застенчивы, – а они застенчивы как раз потому, что застенчивость считается таким достоинством.

На Западе застенчивость в женщинах постепенно исчезает, потому что она больше не в цене. Это просто свидетельство долгой традиции рабства. Современные западные женщины отбросили застенчивость, потому что она была одной из сковывающих их цепей; а для освобождения нужно разорвать все цепи.

В какие моменты вы бываете застенчивы, испытываете смущение? Когда кто-нибудь говорит о вас хорошо, когда кто-нибудь говорит: «Какой ты замечательный», – а вы знаете, что это неправда, что вокруг множество людей куда замечательнее. Но почти каждому из нас рано или поздно встретится тот идиот, который скажет: «Какой ты замечательный!» И тогда приходит застенчивость, смущение, потому что вы знаете, что это неправда, – но это очень приятно для эго.

Можете попробовать: скажите самому безобразному мужчине – или самой безобразной женщине: «Боже мой! В этом мире тебе нет равных. Даже Клеопатра не сравнится с тобой в красоте», – и самая безобразная из женщин не станет спорить. Напротив, она скажет: «Ты единственный, кто способен это постичь...»

Однажды меня исключили из колледжа... Меня исключали из многих колледжей и многих университетов. В этом смысле я очень богат: никто не числился в стольких колледжах и в стольких университетах. В городе, где я жил, было двадцать колледжей; пришло время, когда меня не хотели принимать ни в один из них.

Я спрашивал директоров:

– В чем же проблема?

Они отвечали:

– Проблема не в тебе. Безусловно, нельзя сказать, чтобы проблема была в тебе. Хотя тебя и исключили из всех остальных колледжей, это не потому, что проблема в тебе, а потому, что ты ставишь преподавателей в такое положение, что они увольняются один за другим. Тебя ни в чем нельзя упрекнуть, потому что ты задаешь вопросы только по существу. Но преподаватели не могут на них ответить и поэтому чувствуют себя униженными. Мы не хотим беспокоить преподавательский состав.

Остался только один колледж, и я подумал, что на этот раз лучше не идти напрямик, а поискать какие-нибудь обходные пути. И вместо того, чтобы обратиться в дирекцию колледжа, я стал наводить справки о директоре, о его характере: что он любит, чего не любит. Я выведал о нем все возможные сведения из всех возможных источников. Мне сказали:

– Он очень религиозный человек. Каждый день в четыре часа утра он будит всю округу... потому что он очень тучный, очень толстый и поклоняется Матери Кали Калькуттской; он поставил дома большую статую, сделал себе храм, и каждое утро ни свет ни заря он начинает молиться, то есть вопить во все горло. А он может выступать без микрофона перед десяти-тысячной толпой, единственный во всем городе. И от собственного голоса он входит в такой раж...

– Это то, что нужно, – сказал я.

Утром, ровно в четыре часа, я пришел к директору домой. Он сидел в своем храме – обернувшись небольшим куском ткани, почти голый, – и без передышки кричал: «Джай Кали, Джай Кали, Джай Кали...» Эти слова значат: «Победу Богине-Матери!»

Я сел в уголке и тоже стал кричать: «Джай Кали!» Он оглянулся: впервые он встретил сподвижника. Я так кричал, что чуть не надорвался; я-то не могу выступать без микрофона. Но нужда была крайняя...

– Ты кто? – спросил он.

– Преданный Богини-Матери Калькуттской, – ответил я. – Но моя преданность мала, ваша преданность велика. Я пришел лишь для того, чтобы сесть у ваших ног, потому что вы единственный религиозный человек во всем этом городе.

– Ты первый человек, который меня понял! Все соседи только жалуются на меня в полицию, а коллеги по работе думают, что я не в своем уме.

– Эти дураки не стоят внимания, – сказал я. – Человек любви, человек сердца объявляет вас величайшим преданным Матери Кали. Вы самый духовный человек, которого я встретил в своей жизни.

Тогда он спросил:

– Что я могу для тебя сделать?

– Сущую безделицу... – сказал я. – Мне бы хотелось поступить в ваш колледж. Хотя в городе двадцать других колледжей, я не хочу учиться ни в каком другом колледже, если у меня есть возможность пребывать в лучах вашей духовной благодати.

– Считаю, что ты уже принят, – ответил он. – Тебе остается только прийти и подписать документы. Я назначаю тебе стипендию, а если ты захочешь поселиться в гостинице, с тебя не возьмут денег. Первый раз в жизни я встретил человека, который меня понял. Даже моя жена, даже мои дети – все считают меня ненормальным.

Я пришел в его колледж, и он торжественно встретил меня у ворот. Преподаватели и студенты не могли поверить своим глазам. Он привел меня к себе в кабинет и сказал:

– В этом колледже для тебя все будет бесплатно. Но когда стало известно, что ты зачислен... Тебя все боятся, точно так же, как и меня. В общем, у меня есть только одно условие... Потому что я не хочу тревожить преподавательский состав – а все преподаватели против тебя, точно так же, как и против меня, все они нерелигиозные люди, материалисты – словом, прости меня. Только одно условие... ты не должен посещать лекций.

Я сказал:

– Меня не интересуют лекции. Можно ли мне посещать храм?

Он обнял меня и сказал со слезами на глазах:

– Ты так молод, а у тебя уже такое чистое сердце. Двери моего храма всегда будут открыты для тебя. Я их запираю из страха, что соседи разрушат стацию. Но тебе я дам дубликат ключа, чтобы ты мог приходить когда угодно. Запирай дверь изнутри и ни о чем не беспокойся, даже если снаружи соберется целая толпа. Такие преграды всегда встречаются на пути духовного искателя.

– Будьте спокойны, – заверил я директора.

До самого окончания колледжа я так и не посетил ни одной лекции. Когда уезжал в другой город, чтобы поступить в аспирантуру, я подумал, что лучше всего сказать ему правду. Я пришел к нему в храм и сказал:

– У меня тяжело на сердце; я хочу сказать вам правду. Вы говорили, что я вас понимаю, что я единственный человек, который вас понимает. Простите меня, но я тоже вас не понимаю... и я совершенно уверен, что у вас шарик заехал за ролики.

– Что ты такое говоришь! – сказал он.

– Я закончил колледж, и теперь я могу говорить открыто. Это была простая взятка, духовная взятка.

Но когда я говорил ему: «Вы величайший духовный человек, которого я встретил в своей жизни», – даже этот огромный, тучный толстяк выглядел смущенно, застенчиво. Это только эго, играющее в очередную игру.

Человек без эго никогда не испытывает застенчивости или смущения. Если вы скажете ему нечто, не соответствующее истине, он сам же это опровергнет. Он хочет, чтобы его видели в самом подлинном свете.

И последнее – «вызванная страхом замкнутость». Все это разные проявления эго: ложная скромность, застенчивость – когда ты прекрасно знаешь, что тебе говорят неправду, – и последнее: когда ты прячешься, замыкаешься в себе от страха. Страх не чувствует никакая другая часть тебя, только эго, – потому что это единственное, что в тебе есть ложного и что должно умереть. Ни твоё тело не исчезнет, – оно только вернется к составляющим, из которых возникло, – ни твоё сознание не умрет. Оно продолжит своё путешествие к высшим уровням и формам выражения или, может быть, в конце концов исчезнет во вселенском сознании.

Но это не смерть. Сознание расширяется, теряет границы, становится огромным... бесконечным и вечным. Это не утрата. Единственное, что должно умереть и что всегда умирает с каждой твоей смертью... Тело распадается на материальные составляющие, сознание входит во вселенское сознание или переходит в новую форму сознания... Единственное, что умирает вновь и вновь – эго. И коренная причина твоего страха – в эго.

Человек, не имеющий эго, не имеет и страха.

Может быть, для того, кто задал этот вопрос, различия между скромностью, застенчивостью и замкнутостью в себе от страха существуют только на интеллектуальном уровне. Для меня эти различия не интеллектуальны; это мой опыт. В тот день, когда исчезло моё эго, я открыл скромность совершенно нового рода. Я нашел, что застенчивость бессмысленна; я никоим образом не прячусь и не замыкаюсь в себе от страха.

Это может стать также и твоим опытом, – и пока это не станет твоим опытом, одного интеллектуального понимания будет недостаточно. Медитация может помочь тебе избавиться от эго, и все эти три вещи исчезнут. Но в бессознательном состоянии очень трудно отличить истинную скромность от поддельной.

Один человек сказал мне: «Я не только не знаю, что принесет мне завтрашний день, но еще не уверен до конца и в том, что мне принес день вчерашний».

Мы все живем как сомнамбулы, которые ходят во сне. Наше сознание так поверхностно, а бессознательное так глубоко... Все наши поступки исходят от бессознательного; все наши решения исходят от сознания. Вот почему наши решения и поступки никогда не совпадают. Вы говорите одно, а делаете другое – из-за глубокой внутренней раздвоенности.

Поступки совершаются бессознательно, а сознательный ум так мал, что ему ничего не остается, кроме слов и разговоров. Поэтому все умеют красиво говорить. Даже величайшие поэты, художники, мастера всех искусств – все, что они делают: их живопись, или скульптура, или поэзия – исходят от сознательного ума. Для них это способ сказать своё слово, выразить себя – что-то донести до других. Но если вы столкнетесь с этими людьми лично, вас ждет горькое разочарование: окажется, что эти люди обычной обычной. А они написали такие блистательные стихи...

Мне довелось встретить почти всех великих поэтов Индии, потому что я путешествовал по всей стране и встречался с самыми разными людьми. И я всегда удивлялся: читая их стихи, я восхищался, но потом, при встрече, мне казалось просто невероятным, чтобы такие заурядные люди могли подниматься до таких высот. Постепенно я осознал эту раздвоенность. Сознательный ум говорит, и говорит красиво, но бессознательный ум ничего не знает о вашем сознании.

Что касается ваших поступков и образа жизни, они исходят из бессознательного. Бессознательное огромно; наследие миллионов лет человеческой эволюции, оно обладает огромной властью. Помните, если вы во власти бессознательного, невозможно видеть реальность такой как есть.

Кроме медитации, нет другого способа внести свет в бессознательную темноту вашего существа. По мере того как в вас растет медитация, сознание растет, а бессознательное уменьшается. В конечной точке сознание заполняет вас целиком, а бессознательное полностью исчезает. Только в этот момент ваши слова становятся равнозначны вашей жизни и вам самим. Нет раздвоенности, нет разделенности, нет конфликта.

Что касается обычного человечества, даже если оно оценит по достоинству прекрасную живопись, эта оценка опять-таки будет проявлением эго.

Я слышал об одной очень богатой женщине, которая купила картину Пикассо. Она повесила ее в своей гостиной. Но она не могла понять, что на ней было изображено, она не могла даже понять, висит ли эта картина вверх ногами или так, как надо. Иногда даже для самого Пикассо было загадкой, что это он нарисовал.

Пикассо был, несомненно, великим художником, но не сознательным художником. Он смешивал цвета и получал самые красивые сочетания, но не давал своим картинам обычных названий. Он сам не мог понять, что на них изображено, и когда его спрашивали об этом, он всегда очень сердился. Он говорил: «Никто не спрашивает розу, никто не спрашивает деревья, никто не спрашивает солнце и луну, в чем их смысл. Почему же тогда вы постоянно донимаете меня вопросами: „В чем смысл твоей картины?“ Это красиво; никакого смысла нет».

Эта женщина просто коллекционировала картины: ей хотелось иметь картину Пикассо – стоимостью в миллион долларов. Но много раз случалось так, что... Приходил какой-нибудь критик и говорил: «Это подделка». Картину тут же снимали. Потом приходил другой критик и говорил: «Покажите мне картину», – а картина уже пылилась в подвале. Он говорил: «Кто сказал, что это подделка? Это несомненный оригинал», – и ее снова вешали в гостиной. Так было много раз.

Ваше эго – очень тонкое явление. Все, что приносит ему удовлетворение, для него хорошо. Все, что не приносит удовлетворения, для него плохо. Каждый делает вид, что восхищается великой музыкой, великой поэзией, великой литературой, – и только для того, чтобы показать, что он знает толк в искусстве. Но в действительности все совершенно иначе. Эго ни за что не хочет признавать одного: собственного невежества.

Проповедь в церкви казалась бесконечной, и маленький Эрни очень устал. Громким шепотом он спросил у матери:

– А если мы сразу дадим денег, нас отпустят?

Такова чистая невинность: если проповедник хочет денег, надо дать ему денег, и можно идти домой. Зачем мучиться? Но это может сказать только ребенок. Мне бы хотелось, чтобы каждый из вас снова стал ребенком.

– Дети мои, – говорит отец О’Фланаган своим ученикам на уроке закона Божьего, – вы никогда не должны терять самообладания. Никогда не бранитесь, не горячитесь и не злитесь. Берите пример с меня. Вот, для наглядности, возьмите эту большую муху у меня на носу... Многие слабые духом разозлились бы на эту муху, но только не я. Я никогда не выхожу из себя. Я просто говорю: «Лети, мушка, лети!»

Но тут он вдруг подскочил и закричал:

– Это пчела! Это пчела! Провалиться ей в преисподнюю!

Слой сознания так тонок... Наши претензии, наши обещания поверхностны, как скорлупа. Этот священник начисто забыл о своей поучительной проповеди; он сделал как раз то, что пытался запретить другим.

Задавшему этот вопрос будет полезнее не просто любопытствовать о различиях между вещами. Стань более медитативным, и ответ придет к тебе сам. Только твой собственный ответ даст тебе истинную мудрость. Ты можешь собирать чужие ответы, но ты останешься прежним.

Всю свою жизнь я пытался изменить себя; но, кажется, ничего не меняется – я остаюсь прежним. Я безнадежен?

Прежде всего, почему ты хочешь изменить себя?

Такой как есть, ты замечателен – почему ты не можешь принять себя? И вот в чем чудо: как только ты принимаешь себя, перемена случается. Благодаря твоим усилиям она не случится, – потому что кто тебя изменит? Тот же прежний ум, – пытающийся изменить сам себя? Насильственный ум, пытающийся быть ненасильственным? Как это получится? Даже в ненасильственности будет оставаться насилие.

Гневный ум будет пытаться избегать гнева? Может быть, у тебя получится: ты можешь прививать себе определенную твердость воли. Ты можешь подавлять гнев, но ум останется прежним, а вместе с ним – и гнев. Ты сидишь на нем сверху; ты сидишь на вулкане.

Глупый ум попытается быть разумным? В самой этой попытке все прочнее будет укореняться глупость...

Где же тогда выход? В принятии. Принятие – это волшебный ключ. Прими себя таким как есть! В таком принятии возникает разум. Почему в таком принятии возникает разум? Потому что, когда ты принимаешь себя, ты больше не разделен надвое; раздвоенность исчезает... раздвоенность между тобой «как есть» и «как надо»; между тобой «как есть» и «как следует». Вот в чем коренится весь секрет шизофренического раздвоения: «Я такой-то, а должен быть таким-то и таким-то».

Так что у тебя есть только два пути: либо довести себя до помешательства, пытаясь стать «таким-то»... и ты будешь как собака, пытающаяся поймать себя за хвост, – или человек, пытающийся поднять себя за волосы. Ты можешь подсакивать, подпрыгивать на месте, но это мало тебе поможет. Именно этим занимаются ваши так называемые религиозные люди: подсакивают на месте, пытаясь поднять себя за волосы. На какой-то момент они чуть-чуть приподнимаются над землей, но тут же – со страшным грохотом – падают обратно.

Это не выход. Раздвоенность станет только глубже. Чем больше ты пытаешься, тем более терпишь поражение. А чем более ты терпишь поражение, тем более теряешь уверенность в себе, уважение к себе... – наркотики, алкоголь и тому подобное; политическая власть, деньги, рынок... люди придумали тысячу и один способ бежать от себя. И им приходится изобретать способы бегства, потому что они составили о себе безобразное представление. Сказать им: «Познай себя» – равнозначно шоку. Они не хотят познавать себя.

А Сократ и ему подобные всё говорят: «Познай себя», – только никто не слышит, никто не слушает. Никто не хочет познавать себя – потому что каждый из вас уже решил считать себя тошнотворным, отвратительным существом; считать себя больным, считать себя езобразным, считать себя ненормальным, считать, что внутри у него сплошные раны и гной. Кому захочется внутрь? Лучше не смотреть на эти раны, лучше забыть о них начисто.

Если же ты пытаешься изменить себя, что ты для этого станешь делать? Подстригать ветви: в одном месте, в другом месте... Но проблема в корнях, не в ветвях. Если подстригать ветви, крона станет гуще. Вырастет больше ветвей, вырастет больше листьев – потому что дерево примет вызов. Ты хочешь победить дерево? Отрежь один лист, и на его месте вырастут три листа – таков ответ дерева. Отрежь одну ветку, и на ее месте вырастут три ветки. Дерево не так просто победить. Оно хочет выжить. А ты можешь продолжать подстригать листья и ветки – ничего не выйдет. Глубоко под землей, глубоко внутри тебя все остается по-прежнему, потому что корни не тронуты.

Один японец был завсегдатаем в греческом ресторане, потому что обнаружил, что там особенно вкусно готовят жареный рис. Каждый вечер он приходил и просил подать ему «жаленого лиса».

Слыша это, хозяин греческого ресторана каждый раз покатывался со смеху. Иногда он приглашал пару-тройку друзей только для того, чтобы они послушали, как японский посетитель будет заказывать своего «жареного лиса».

В конце концов это так уязвило гордость посетителя, что он взял специальный урок дикции, чтобы научиться выговаривать «жареный рис» правильно.

В следующий раз он пришел в ресторан и небрежно произнес:

– Жареного риса, пожалуйста.

Не веря своим ушам, хозяин греческого ресторана переспросил:

– Простите, сэр! Что вы сказали, сэр?

– Что слышал, – ответил японец. – Чельт побели!

Таким способом нельзя изменить себя. Ты можешь изменить одно слово, но глубоко внутри ты будешь оставаться таким же японцем, что и прежде. Где-нибудь, как-нибудь, но это проявится. Ты или сойдешь с ума, или станешь лицемером.

Ваше общество, ваше безумное общество оставляет вам только две возможности: либо сойти с ума, пытаясь улучшить себя и поднять себя за волосы; либо – если вы немного более разумны, – быть лицемером, говорить одно, а делать совсем другое... завести в своей жизни черный ход; у парадного подъезда устроить красивый фасад – нарисовать на нем идеал, нарисовать на нем «как надо», «как следует», – а самому входить в свою жизнь с черного хода, чтобы естественная, настоящая жизнь протекала закулисно.

Но это тоже создает раздвоенность: ты никогда не можешь расслабиться, ты постоянно лжешь, и тебя снова и снова ловят на лжи. Долго ли ты сможешь притворяться? И вообще притворство бесполезно, потому что все твои соседи такие же притворщики, и все видят друг друга насквозь. Каждый знает, что у него самого есть «жизнь с черного хода», – и не может быть, думает он, чтобы ее не было также и у тебя.

Как раз поэтому, когда ты слышишь, что о ком-то говорят плохо, ты всегда веришь сразу, даже без доказательств. А когда о ком-то говорят хорошо, ты требуешь доказательств. Если кто-нибудь скажет: «Этот святой только притворяется святым; на самом деле никакой он не святой. Он убийца, он развратник, он скуп, он насильствен», – ты тут же поверишь! А если кто-нибудь скажет: «Этот человек настоящий святой», – у тебя останутся сомнения. Ты подумаешь: «Это мы еще посмотрим. Надо к нему присмотреться, надо навести справки».

Ты знаешь людей; ты знаешь, каковы люди – и что же, вот так, запросто, взять и поверить, что люди могут быть хорошими? Ты знаешь, что твоя собственная добродетель притворна, – и из этого заключаешь, что ни в ком другом добродетель не может быть непритворной. Все общество состоит из лицемеров.

Пожалуйста, перестань пытаться улучшить себя, перестань пытаться изменить себя. В любом случае, как ты себя изменишь?.. – и зачем? И кому решать, каким ты должен быть? Если ты предоставишь решать, кем ты должен быть, кому-то другому, решение будет навязанным извне. Священник, политик – все они пытаются навязать тебе свои идеалы. Из-за их идеалов ты не можешь быть естественным, не можешь быть простым, и тебе придется нести тяжелый груз. Ты всегда остаешься натянутым, вымученным, искусственным. Никогда никому не подражай!

Известная книга Фомы Кемпийского озаглавлена «Подражание Христу», – и я никогда не встречал более фальшивого и уродливого заглавия. Подражание Христу? А эта книга очень почитаема; это один из наиболее почитаемых христианских трактатов. Но сама идея в корне неверна. Подражая Христу, ты будешь только подражателем – ты никогда не станешь Христом. А быть подражателем значит быть лицемером. Да и возможно ли подражать Христу? Он был совершенно уникальным человеком. Он никогда никому не подражал. Если бы он подражал другим, евреи любили бы его и почитали; если бы он подражал Моисею или Аврааму, его бы не распяли. Он никогда никому не подражал! Он просто утверждал себя, таким как есть; он

уважал себя, таким как его создал Бог, – без всякого подражания. Он был подлинным человеком: подлинником, не копией.

Что же касается Фомы Кемпийского, он станет только копией; если он и преуспеет, то только в том, чтобы стать копией, – а копия всегда уродлива.

Будь подлинником. Если можно быть подлинником, зачем быть копией? Не подражай Будде, не подражай Иисусу – никогда и никому не подражай! Учись из всех источников, но никому не подражай. Просто будь собой. Ты должен быть только собой. И определить, кто ты такой, заранее никак нельзя. Как ты будешь решать, кто ты?.. – если только не войдешь внутрь и не увидишь, кто ты...

Итак, начинать нужно не с попыток изменить себя, – прежде всего нужно попытаться познакомиться с собственным существом: кто живет у тебя внутри? Посмотри на этого гостя, который к тебе пришел... – в дом твоего тела. Какой-то незнакомец живет в твоем теле; незнакомец из запредельного пришел в твое тело. Это и есть ты! Просто смотри, наблюдай, медитируй, осознавай это. Отбрось всякие попытки изменить себя. Вложи всю энергию в то, чтобы познать себя, – и из этого познания произойдет рост. А этот рост вернет тебе подлинное лицо. Ты должен быть только собой. Ты должен быть только тем, кто ты уже есть.

Почему я тебе не доверяю?

Доверие возможно, только если сначала ты доверяешь себе. Самое главное должно сначала случиться внутри тебя. Если ты доверяешь себе, ты можешь доверять мне, можешь доверять людям, можешь доверять существованию. Но если ты не доверяешь себе, никакое другое доверие невозможно.

Общество разрушает сами корни доверия. Оно не позволяет доверять себе. Оно учит доверять чему и кому угодно, кроме себя – родителям, церкви, государству, Богу, и так далее до бесконечности. Но если изначальное доверие разрушено в самой основе, всякое другое доверие поддельно, – и не может не быть поддельным. Тогда всякое другое доверие только лишь искусственный цветок. Нет настоящих корней, чтобы выросли и расцвели живые цветы.

Общество разрушает доверие намеренно, специально, потому что человек, который доверяет себе, опасен для общества – для общества, основанного на рабстве; для общества, в котором слишком многое держится на рабстве.

Человек, который доверяет себе, независим. Он непредсказуем, он всегда поступает по-своему. Свобода – его жизнь. Он доверяет внутреннему чувству, он доверяет своей любви, – и тогда в его доверии будет величайшая интенсивность и истинность. Тогда его доверие будет живым и подлинным. И ради доверия он будет готов рискнуть всем, – но только когда он его чувствует; только когда оно истинно; только когда оно трогает разум и сердце, только когда отзывается его любовь, – тогда и только тогда. Ему нельзя навязать никакого рода верований.

А это общество держится на верованиях. Вся его структура состоит в самовнушении. Вся его структура основана на производстве роботов и машин, а не людей. Ему нужны зависимые люди, – зависимые настолько, чтобы они постоянно нуждались в тиранах, чтобы они сами искали себе тиранов, собственных Адольфов Гитлеров, собственных Муссолини, собственных Иосифов Сталиных, собственных Мао Дзедунов.

Нашу землю, нашу красивую землю мы превратили в огромную тюрьму. Горстка людей, жаждущих власти, низвела всю остальную часть человечества до уровня безликой толпы. Человеку позволено существовать, только если он готов к компромиссу, если он готов уживаться со всевозможной чушью.

Например, полная чушь – говорить ребенку, чтобы он верил в Бога... не потому, что Бога не существует, но потому, что ребенок еще не испытывает этой жажды, желания, внутренней потребности. Он еще не готов отправиться на поиски истины, высшей истины жизни. Он еще не достаточно зрел, чтобы задаваться вопросами о существовании Бога. Однажды все это должно прийти, как приходит любовь к влюбленному, – но только если ему не было навязано никаких верований, иначе это невозможно. Если его обратить в ту или другую веру прежде чем в нем возникнет жажда исследования и познания, всю свою жизнь он будет жить поддельной жизнью, ненастоящей жизнью.

Да, он будет говорить о Боге, потому что ему сказали, что Бог есть. Ему это сказали авторитетно, сказали люди, имевшие над ним в детстве величайшую власть – родители, священники, учителя. Ему так сказали, и он вынужден был принять на веру: на карту было поставлено выживание. Он не мог сказать «нет» родителям, потому что без них он просто не смог бы выжить. Сказать «нет» было слишком рискованно, и ему пришлось сказать «да». Но это «да» нельзя считать настоящим.

Как оно может быть настоящим? Его согласие было только политическим маневром, совершенным ради выживания. Вы не сделали его религиозным человеком, вы сделали его дипломатом, вы создали политика. Вы задавили его потенциал, способность вырасти в подлинное существо. Вы отравили его. Вы лишили его самой возможности разума, потому что разум возникает только вместе с жаждой познания.

Теперь эта жажда в нем никогда не возникнет, потому что ему дали ответ, прежде чем его душой овладел вопрос. Прежде чем он проголодался, его существо накормили насильно. А если он не был голоден, эта пища не может перевариться: в желудке не выработался сок, чтобы ее переваривать. Поэтому люди живут как какие-то трубы, по которым жизнь проходит как непереваренная пища.

С детьми нужно величайшее терпение, бдительность, осознанность, чтобы не сказать им чего-нибудь такого, что помешает возникнуть их собственному разуму; чтобы не обратить их в христианство, индуизм, ислам. Необходимо бесконечное терпение.

Однажды это чудо случается, – и ребенок сам начинает исследовать и задавать вопросы. Но даже теперь не давайте ему готовых ответов. Готовые ответы никому не помогают, готовые ответы тупы, лишены всякой остроты. Помогите ребенку стать разумным. Вместо того, чтобы давать ответы, создавайте такие ситуации, ставьте перед ним такие задачи, чтобы его разум становился все более отточенным – чтобы его вопрос стал глубже, чтобы он проник в самое сердце, чтобы он стал вопросом жизни и смерти.

Но это непозволительно. Родителям слишком страшно, обществу слишком страшно: если предоставить детям свободу, как знать?.. Может быть, они никогда не примут вероисповедания, к которому принадлежат родители; может быть, они не станут ходить в церковь – католическую, протестантскую или какую угодно другую. Кто знает, что случится, когда дети начнут жить своим разумом? У вас больше не будет над ними власти. И общество применяет все более коварную политику, чтобы сохранять власть над каждым, чтобы завладеть душой каждого.

Именно поэтому в первую очередь общество должно разрушить в ребенке доверие – доверие к себе, уверенность, веру в себя. Обществу нужно сделать ребенка нерешительным и испуганным. Когда ребенок дрожит от страха, им можно управлять. Если он уверен в себе, он неуправляем. Если он уверен в себе, он будет утверждать себя, он будет стремиться всегда поступать по-своему и никак по-другому. Он отправится в собственное путешествие, и в выборе направления он не будет исполнять ничьих пожеланий. Он никогда не будет подражателем, он никогда не будет тупицей, ходячим мертвецом. В нем будет столько жизни – бьющей через край жизни! – что никто не сможет с ним справиться.

Разружьте в ребенке доверие – и вы его кастрируете. Вы отнимете у него силу: теперь он всегда будет бессильным, и ему всегда будет нужен кто-то, кто будет его направлять, им руководить, давать ему приказы. Теперь он будет хорошим солдатом, хорошим гражданином, хорошим националистом, хорошим христианином, хорошим мусульманином, хорошим индустристом. Да, он может быть хорош во всех этих качествах, но не будет настоящей индивидуальностью. У него не будет корней, он не сможет вырастить корни. Вся жизнь он будет жить без корней – а жить без корней значит жить в страдании, значит жить в аду. Подобно деревьям, которым необходимы корни в земле, человеку – который тоже своего рода дерево, – необходимы корни в существовании; иначе он будет жить очень глупо. Может быть, он преуспеет в жизни, может быть, он станет знаменитым...

На днях я читал одну историю...

Три хирурга, старые друзья, встретились во время отпуска. На пляже, на солнышке, они стали хвалиться своими успехами. Первый сказал:

– Мне попался человек, который потерял ноги на войне. Я сделал ему искусственные ноги, и случилось почти чудо: теперь он стал одним из лучших в мире бегунов! Вполне возможно, что он победит на следующих Олимпийских играх.

– Это еще что, – сказал другой. – А вот мне попалась женщина, которая упала головой вниз с тридцатого этажа: все ее лицо было расплющено в лепешку. Я провел сложнейшую пластическую операцию. Так вот, на днях я прочитал в газете, что она победила на всемирном конкурсе красоты!

Третий был очень скромным человеком. Первые двое посмотрели на него и спросили:

– А ты чем занимаешься в последнее время? Что у тебя новенького?

– Ничего особенного, – ответил он. – К тому же, мне запрещено об этом рассказывать. Но его коллег стало разбирать любопытство.

– Мы твои друзья, – сказали они, – и мы умеем держать язык за зубами. Не беспокойся, никто ничего не узнает.

Тогда третий сказал:

– Ну ладно, если вы так хотите, если вы обещаете... Ко мне принесли раненого: он потерял голову в автокатастрофе. Я растерялся и не знал, что делать. Без всякой задней мысли я выбежал в сад, чтобы обдумать положение, и вдруг мне на глаза попался кочан капусты. Я взял этот кочан капусты и, за неимением лучшего, пришел раненому вместо головы. И что вы думаете? Он стал премьер-министром Индии!

Даже если разрушить ребенка, это не помешает ему стать премьер-министром Индии. Разум не входит в число обязательных условий достижения успеха. Как раз наоборот: имея разум, труднее достичь успеха, потому что разумный человек всегда привносит нечто новое. Он всегда впереди своего времени; чтобы его понять, нужно время.

Глупого человека понять легко. Он соответствует гештальту общества; в распоряжении общества уже есть ценности и критерии, чтобы судить о нем. Но чтобы оценить гения, обществу потребуются годы.

Я не говорю, что человек, не имеющий большого разума, не может добиться успеха, не может стать знаменитым, – но все равно он будет оставаться фальшивым. А это приносит страдание: вы можете прославиться, но если вы фальшивы, вы будете жить в страдании. Вы не знаете, какими благословениями вас осыпает жизнь, и не узнаете никогда. Вы недостаточно разумны, чтобы это понимать. Вы никогда не увидите красоты существования, потому что вы недостаточно восприимчивы, чтобы ее видеть. Вы никогда не осознаете сущего чуда окружающего мира, хотя бы на вашем пути каждый день встречались миллионы чудес. Вы никогда этого не увидите, потому что, чтобы это видеть, нужно величайшее умение понимать, чувствовать, быть.

В этом обществе все построено на силе. Это общество еще в совершенно примитивном состоянии, в совершенно варварском состоянии. Несколько человек – политиков, священников, профессоров – несколько человек управляют миллионами. И это общество устроено так, что ни одному ребенку не позволено быть разумным. Только по чистой случайности изредка на землю приходит Будда – по чистой случайности.

Лишь изредка человеку удастся каким-то образом вырваться из когтей общества. Лишь изредка человек остается не отравленным обществом. Наверное, это происходит из-за какой-то ошибки общества, какого-то сбоя в его работе. Обычно же обществу удается разрушить ваши корни, разрушить в вас доверие к себе. А если это сделано, вы никогда больше не сможете никому доверять.

А если вы не умеете любить себя, вы никогда не сможете любить никого другого. Это непреложная истина, правило без исключений. Вы можете любить других, только если вы способны любить себя.

Но общество осуждает любовь к себе. Оно говорит, что это эгоизм, что это нарциссизм. Да, любовь к себе может перейти в нарциссизм, но необязательно и не всегда. Любовь к себе становится нарциссизмом, если никогда не идет дальше собственных пределов. Она может превратиться в своего рода эгоизм, если остается ограниченной только вами. Но обычно в любви к себе берут начало все остальные виды любви.

Если человек любит себя, рано или поздно он переполняется любовью. Если человек доверяет себе, он не может не доверять другим, – даже тем, кто хочет его обмануть; даже тем, кто его уже обманул. Да, он не может не доверять даже им, потому что он знает, что доверие ценнее всего на свете.

Человека можно обмануть, – но в чем его можно обмануть? У него можно отнять деньги или еще что-нибудь... Но человек, знающий красоту доверия, не станет смотреть на такие мелочи. Он все равно будет вас любить, он все равно будет вам доверять. И тогда случится чудо: если человек доверяет вам по-настоящему, обмануть его невозможно, – почти невозможно.

Это случается ежедневно и в вашей жизни. Если вы проявляете к кому-то доверие, становится почти невозможно, чтобы этот человек обманул вас, обманул ваше доверие. Вы сидите на платформе на вокзале и не знаете, кто сидит рядом – это совершенно незнакомый человек, – и вы ему говорите: «Присмотрите за моим багажом, мне нужно купить билет. Позаботьтесь, пожалуйста, о моем багаже». И вы уходите. Вы доверились совершенно незнакомому человеку. Но почти никогда не бывает так, чтобы этот незнакомец вас обманул. Может быть, он обманул бы вас, если бы вы проявили к нему недоверие.

В доверии есть нечто волшебное. Как теперь человеку вас обмануть, когда вы ему доверились? Как он может пасть так низко? Если он вас обманет, он никогда не сможет себя простить.

Человеческому сознанию свойственно качество доверия: оно стремится доверять и хочет, чтобы доверяли ему. Каждый человек любит, когда ему доверяют; это знак уважения со стороны другого человека, – и тем более со стороны незнакомого человека. У вас нет оснований доверять, но вы все равно доверяете. Вы возводите человека на такой высокий пьедестал, цените его так высоко, что с этой высоты почти невозможно пасть. Если он все же падет, он никогда не сможет себя простить, и всю жизнь он будет чувствовать тяжесть своей вины.

Человек, который доверяет себе, начинает понимать, как это красиво – он начинает понимать, что чем больше доверяешь себе, тем более расцветашь; чем более отпускаешь, чем более расслабляешься, тем более становишься уравновешенным и безмятежным, тем больше покоя и тишины.

И это так красиво, что вы начинаете доверять людям все больше и больше, потому что чем больше вы доверяете, тем глубже становится ваше спокойствие, и тишина проникает все глубже и глубже, в самый центр вашего существа. Чем больше вы доверяете, тем выше ваш полет. Человек, умеющий доверять, рано или поздно узнает логику доверия. И однажды он обязательно решится довериться неизвестности.

Лишь когда вы способны довериться неизвестности – но никак не прежде – вы способны доверять мастеру, потому что мастер олицетворяет сущую неизвестность. Он олицетворяет неизведанное, он олицетворяет бесконечное, он олицетворяет безграничное. Он олицетворяет океаническое, он олицетворяет стихийное, он олицетворяет Бога.

Ты спрашиваешь: «Почему я тебе не доверяю?»

Все очень просто: ты не доверяешь себе. Начни доверять себе – это основной урок, первый урок. Начни любить себя. Если ты не любишь себя сам, кто еще будет тебя любить? Но помни, что если ты любишь только себя, твоя любовь будет очень бедной.

Великий еврейский мистик Хиллель сказал: «Если ты не заботишься о себе, кто о тебе позаботится?» А также: «Если ты заботишься только о себе, какой смысл может быть в твоей жизни?» – очень важные слова. Помни: люби себя. Потому что если ты не любишь себя, тебя не сможет любить никто другой. Никто не может любить человека, который себя ненавидит.

А на этой несчастной земле почти каждый ненавидит себя, каждый осуждает себя. Сможешь ли ты любить человека, который себя осуждает? Он тебе не поверит. Он сам не может любить себя, а ты – как ты смеешь? Он сам не может любить себя, а ты – как ты можешь? Он заподозрит какой-то подвох, какую-то уловку, какую-то ловушку. Он заподозрит, что под прикрытием любви ты пытаешься его обмануть. Он будет очень настороженным, недоверчивым, и его подозрения отравят твое существо.

Если ты любишь человека, который себя ненавидит, ты пытаешься разрушить его представление о себе. Никто так просто не расстается с представлением о себе; оно удостоверяет,

кто он такой. Этот человек будет сопротивляться, он докажет тебе, что он прав, а ты ошибешься.

Вот что происходит во всех любовных отношениях – позвольте мне сказать, в так называемых любовных отношениях. Это всегда происходит между мужем и женой, между влюбленными, между мужчиной и женщиной. Как ты можешь разрушить представление другого человека о себе? Это все, что он знает о себе; это его эго, это его личность. Если ты все это у него отнимешь, он не будет знать, кто он. Это слишком рискованно; нельзя так легко отбросить представление о себе. Он тебе докажет, что он недостойн любви, что он достоин только ненависти.

То же самое происходит и с тобой. Ты так же ненавидишь себя; ты не можешь позволить любить себя никому другому. Когда кто-то приходит к тебе с энергией любви, ты сжимаешься, ты пытаешься бежать, ты пугаешься. Ты прекрасно знаешь, что недостойн любви; ты знаешь, что только на поверхности кажешься хорошим и замечательным, а глубоко внутри ты уродлив. И если ты позволишь этому человеку себя любить, рано или поздно – и скорее рано, чем поздно – все раскроется: он узнает, кто ты на самом деле.

Долго ли ты сможешь притворяться перед человеком, с которым ты живешь, с которым тебя связывает любовь? Ты можешь притворяться на работе, ты можешь притворяться в Ротари-клубе и в клубе Львов, – улыбаться и раскланиваться. Там ты можешь прекрасно разыграть свою роль. Но если ты живешь с мужчиной или женщиной, и двадцать четыре часа в сутки вы вместе, вы не можете без конца улыбаться, улыбаться и улыбаться. Улыбка станет утомительной, потому что она ненастоящая. Это просто упражнение для губ, а губы тоже устают.

Как можно без конца быть сладким? Горечь всплывет на поверхность. Так что к концу медового месяца конец приходит всему. Теперь вы оба знаете реальность друг друга, вы оба знаете, как вы фальшивы.

Люди боятся близости. Для близости требуется отложить в сторону свою роль. А ты знаешь, кто ты на самом деле: нуль и ничтожество. Тебе это говорили с самого начала. Родители, учителя, священники, политики – все говорили, что ты нуль и ничтожество. Никто никогда тебя не принимал. Никто не дал тебе чувства, что тебя любят, что тебя уважают, что ты нужен, – что без тебя в существовании стало бы чего-то не хватать; что без тебя существование не было бы таким, как прежде; что без тебя в нем образовалась бы дыра. Без тебя существование утратило бы частичку поэзии, частичку красоты: не стало бы одной песни, не стало бы одной ноты, и на твоём месте осталась бы пустота – никто тебе этого не сказал.

И как раз в этом состоит моя работа здесь: разрушить внушенное тебе недоверие к себе, разрушить все навязанное тебе самоосуждение, отнять его у тебя и дать тебе чувство, что ты любим, что ты уважаем, что тебя любит существование. Бог создал тебя, потому что он тебя любил. И любил так, что не смог устоять перед искушением тебя создать.

Когда художник рисует, он рисует, потому что любит. Винсент Ван Гог всю жизнь рисовал солнце – он очень любил солнце. На самом деле именно солнце свело его с ума. Целый год он постоянно стоял на палящем солнце и рисовал. Вся его жизнь вращалась вокруг солнца. И в тот день, когда он достиг удовлетворенности, написав картину, которую он всегда хотел написать – а до этой картины ему пришлось написать много других картин, но он не был доволен ни одной из них, – в тот день, когда достиг удовлетворенности, когда он смог сказать: «Да, это та картина, которую я хотел создать», – он совершил самоубийство. Он сказал: «Моя работа закончена. Я сделал то, ради чего пришел. Мое предназначение исполнено, жить дальше не имеет смысла».

Посвятить всю свою жизнь одной картине? Должно быть, он был безумно влюблен в солнце. Он смотрел на солнце так долго, что это погубило его глаза, лишило его зрения, свело его с ума.

Когда поэт сочиняет песню, это потому, что он любит ее. Бог нарисовал тебя, спел тебя, станцевал тебя. Бог любит тебя! Если слово «бог» для тебя ничего не значит, не беспокойся: назови это существованием, назови это вселенной. Существование любит тебя, иначе тебя бы здесь не было.

Расслабься в своем существе – тебя лелеет целое. Именно поэтому целое непрестанно в тебе дышит, непрестанно в тебе пульсирует. Как только ты начнешь чувствовать это бесконечное уважение, эту любовь, это доверие к тебе целого, твои корни в собственном существе начнут расти. Ты начнешь доверять себе. И только тогда ты сможешь доверять мне. Только тогда ты сможешь доверять своим друзьям, своим детям, мужу, жене. Только тогда ты сможешь доверять деревьям и животным, звездам и луне. Тогда доверие станет самой жизнью. Тогда больше не будет вопросом, кому можно доверять, а кому нельзя; доверие просто случается. А доверие означает просто религиозность.

Что важнее – «быть собой» или «познать себя»?

Ты думаешь, это разные вещи? Как ты можешь познать себя, не будучи собой? И наоборот: как ты можешь быть собой, не зная себя? Быть собой и знать себя не две отдельные вещи, поэтому не может быть речи о выборе между ними. Это две стороны одного и того же процесса.

Необходимо работать над одним и другим одновременно, синхронно; ни одним, ни другим нельзя пренебречь. Но легче начать с того, чтобы быть собой – легче, потому что тебя отвлекли от себя другие. Маски, за которыми ты прячешься, ты не сам себе навязал. Быть не тем, кто ты на самом деле, тебя заставили, против воли, против твоего желания; поэтому легче начать с того, чтобы все это отбросить.

От всякого рабства избавиться легче, – есть ли кто-нибудь, кто по своей природе хочет рабства? Это не свойственно никакому существу, человеческому или не человеческому. Рабство идет против вселенной, поэтому его легче отбросить. Оно всегда остается бременем, и глубоко внутри ты не прекращаешь с ним бороться, даже если внешне его принимаешь; но глубоко внутри никто не может заставить тебя его принять. В самом центре твоего существа оно всегда отторгается, поэтому его легче отбросить.

Процесс прот. Что бы ты ни делал, что бы ты ни думал, что бы ты ни решал, помни одно: это идет изнутри тебя, или в тебе говорит кто-то другой? И ты удивишься, когда узнаешь, чей это голос; может оказаться, что говорит твоя мать – ты снова услышишь, как она говорит. Или, может быть, говорит отец; это не так трудно определить. Их голоса сохраняются внутри, – советы, приказания, дисциплина, заповеди, – записанные в точности такими, как были тебе даны в первый раз.

Может быть, ты найдешь внутри множество людей: священников, учителей, друзей, соседей, родственников. Бороться не нужно. Если ты просто знаешь, что эти голоса не твои, что они чужие – чьи бы они ни были, – естественно, ты не станешь их слушаться. Какими бы ни были последствия, хорошо это или плохо, но ты решаешься жить по-своему, ты решаешься быть зрелым. Хватит: ты долго оставался ребенком. Хватит: ты долго оставался зависимым. Хватит: ты долго слушал эти голоса и следовал их указаниям. И куда они тебя привели? В пучину безумия.

Так что, как только ты определишь, чей говорит голос, скажи ему «до свидания»... – потому что человек, который передал тебе этот голос, не был тебе врагом; у него не было дурных намерений, – но дело не в намерениях... Дело в том, что он навязал тебе нечто такое, что не исходит из твоего собственного внутреннего источника; а все пришедшее извне психологически поработает человека.

К расцвету, к свободе тебя приведет лишь твой собственный голос.

Да, поначалу путь покажется опасным, потому что ты привык, чтобы кто-то вел тебя за руку: отец, священник, учитель, мать; а когда ребенок держится за отцовскую руку, ему не страшно, ему нечего бояться. Он может положиться на отца. Но сейчас ты держишь его за руку только в воображении; отца рядом нет, есть только чистой воды воображение. И хорошо сознавать, что ты один и что нет руки, на которую можно было бы опереться, потому что тогда ты начинаешь искать собственные способы защиты от опасностей.

Продолжать думать, что тебя защищают, когда на самом деле тебя никто не защищает, опасно. Именно это случилось с миллионами людей во всем мире: им кажется, что их защищают – защищает Бог, еще кто-нибудь... кто угодно.

Бога нет. Нет никого, кто бы мог тебя защищать. Ты один, и ты должен радоваться своему одиночеству... На самом деле, в том, что никто не ведет тебя за руку, – величайший экстаз.

Мой дедушка очень любил меня, потому что я был озорником. Он сам оставался озорником, даже когда состарился. Он никогда не был близок ни с моим отцом, ни с моими дядями, потому что все они были против его шалостей. Они ему говорили:

– Тебе уже семьдесят лет, ты должен уметь себя вести. Твоим сыновьям по пятьдесят лет, даже за пятьдесят, твоим дочерям по пятьдесят лет, их дети женились, у них родились внуки, – а ты все делаешь такие вещи, за что нам просто стыдно.

Я был единственным, с кем он был близок. Я любил старика, и по той простой причине, что даже в семидесятилетнем возрасте он не потерял детства. Он был таким же озорником, как всякий ребенок. Иногда он подшучивал даже над собственными сыновьями, дочерьми и их мужьями, от чего те были просто в шоке.

Я был единственным его поверенным, потому что мы с ним были заодно, как заговорщики. Конечно, некоторых вещей он не мог сделать сам – такие вещи делал я. Например, пока его зять спал в комнате, дедушка не мог бы забраться на крышу, а я мог... Так что мы действовали сообща: подставив мне спину, он помог мне среди ночи забраться на крышу. И я снял черепицу и дотянулся до лица его зятя кисточкой, прикрепленной к концу бамбуковой палки... Зять поднял крик, сбежался весь дом...

– Что случилось?

К тому времени мы уже успели исчезнуть. Он сказал:

– Может быть, это было привидение... Кто-то коснулся моего лица. Я пытался его поймать, но не смог, было темно.

Мой дедушка оставался невинным, как ребенок, и я видел, как велика была его свобода. Он был старшим в семье. Ему следовало бы быть самым серьезным, согбенным под тяжестью забот и тревог, но он жил как ни в чем не бывало. Когда возникала проблема, вся семья становилась серьезной, начинала беспокоиться, и он единственный ни о чем не беспокоился. Только одного я не любил – как раз поэтому я вспомнил о нем сейчас, – спать с ним в одной постели. У него была привычка спать, накрывшись с головой. Вместе с ним и мне приходилось спать, накрывшись с головой, и мне было душно.

В конце концов я твердо сказал ему:

– Я согласен на все остальное, но этого я не могу терпеть. Ты не можешь спать с открытым лицом, а я не могу спать, накрывшись с головой: мне душно, я задыхаюсь. Ты накрываешь меня одеялом из любви (он прижимал меня к самому сердцу, и я оказывался с головой под одеялом), и это замечательно, но к утру мое сердце перестанет биться. У тебя добрые намерения, но к утру ты будешь жив, а я умру. Так что постель должна быть исключена из нашей дружбы.

Он хотел, чтобы я был рядом с ним, потому что любил меня. Он говорил:

– Почему ты не приходишь ко мне спать?

Я отвечал ему:

– Ты прекрасно знаешь: я не хочу быть задушенным, даже из самых лучших побуждений. Ты меня любишь, и тебе хочется даже ночью прижимать меня к сердцу.

Еще мы подолгу гуляли по утрам, а иногда, если светила луна, и ночью. Но я никогда не позволял ему вести меня за руку. И он спрашивал:

– Но почему? Ведь ты можешь упасть, ты можешь споткнуться о какой-нибудь камень.

– Так будет лучше, – говорил я. – Пусть я споткнусь, от этого я не умру. Зато я научусь не спотыкаться, быть бдительным и запомню, где лежат камни. Но если ты будешь держать меня за руку... долго ли ты сможешь держать меня за руку? Долго ли ты будешь рядом со мной? Если ты можешь дать гарантию, что будешь со мной всегда, тогда, конечно, я согласен.

Но дедушка был очень искренним человеком.

– Я не могу дать такой гарантии, – говорил он. – Я не могу ничего обещать даже завтра. Только в одном я уверен: ты будешь жить еще долго, а я скоро умру, так что я не смогу всегда быть рядом и вести тебя за руку.

– Тогда, – говорил я, – мне лучше начать учиться уже сейчас. Я не хочу оказаться в таком положении, чтобы мне пришлось жить в выдуманной реальности. Я хочу жить настоящей жизнью, а не выдуманной. Я не герой романа. Так что оставь меня в покое, дай мне упасть. Я попытаюсь встать сам. А ты просто жди, пока я не встану, просто наблюдай, и в этом будет больше сострадания ко мне, чем в том, чтобы держать меня за руку.

Он меня понял; он сказал:

– Ты прав: однажды меня больше не будет рядом.

Полезно несколько раз упасть, ушибиться, снова встать на ноги, несколько раз сбиться с пути. Ничего страшного. Если ты понимаешь, что сбился с пути, тут же вернись обратно. Жизни учатся методом проб и ошибок.

Так что, когда ты начнешь слушать голоса – а все они записаны у тебя внутри точно такими, как прозвучали в первый раз, – ты удивишься, когда попытаешься распознать, чей голос в тебе говорит. Ты просто рассмеешься: «Да ведь это моя мать! Я не видел ее двадцать лет, а она все еще пытается мной манипулировать». Может быть, ее уже нет в живых, но даже из могилы ее рука тянется к твоему горлу. У нее нет плохих намерений, но она тебя калечит.

Я говорил моему отцу:

– Не давай мне никаких советов, даже если я попрошу. Будь в этом как можно честнее. Просто скажи мне: «Найди решение сам». Не давай мне советов.

Потому что, если можно получить дешевый совет, стоит ли труда искать собственное решение?

Я настойчиво просил своих учителей:

– Пожалуйста, занимайтесь своим предметом и не давайте мне никаких советов, не имеющих к нему отношения, чтобы я мог исследовать жизнь по-своему. Да, я совершу множество ошибок, множество промахов. Я хочу совершать ошибки и промахи, потому что это единственный способ учиться.

Нет другого способа учиться. Если упростить учение настолько, чтобы совершенно исключить возможность ошибиться, станешь попугаем. Можно повторять слова, предложения, но смысл этих слов и предложений останется неясным.

Итак, прежде всего узнай голоса, которые в тебе говорят, – а это просто. Когда тебе нужно принять любое решение, просто сядь и сиди в молчании, и слушай голос, который говорит тебе поступить так или иначе. Постарайтесь определить, чей это голос. И как только установлено, что говорит твой отец, твоя мать, твой дядя, твой учитель, твоя тетя, твой брат, все становится очень просто – поблагодари брата и скажи ему: «Это очень любезно с твоей стороны: тебя уже нет в живых, но ты все еще заботаешься обо мне. А теперь, пожалуйста, оставь меня в покое».

И как только ты ясно скажешь определенному голосу: «Оставь меня в покое», – твоя связь с ним, твоя с ним отождествленность будет разорвана. Он имел над тобой власть, потому что ты считал его своим собственным. Вся стратегия была в отождествлении. Ты думал: «Это мой голос, это моя мысль», – и поэтому поступал так, как он говорил. Теперь ты знаешь, что это не твой голос, не твой голос; это нечто чуждое твоей природе. Этого понимания достаточно. Просто поблагодари отца: «Ты все еще заботаешься обо мне, но я больше не нуждаюсь в твоей заботе. Ты сделал меня достаточно зрелым, и теперь я могу позаботиться о себе сам».

Избавься от всех этих внутренних голосов, и вскоре, к своему удивлению, ты обнаружишь еще один голос, тихий, как шепот, голос, которого ты никогда прежде не слышал, – и ты не сможешь определить, чей он... Нет, этот голос не принадлежит ни твоей матери, ни твоему отцу, ни священнику, ни учителю. И вдруг – внезапное понимание, что этот голос – твой собственный... Вот почему ты не мог установить, чей он, кому он принадлежит.

Он был всегда, но звучал очень тихо, – почти неслышно, потому что он был подавлен, когда ты был совсем маленьким ребенком; а голос был очень тихий... как росток, который едва успел прорасти, но его завалили кучей всевозможного хлама... А теперь ты тащишь на

себе этот хлам и совсем не помнишь цветок своей жизни, который все еще жив, все еще ждет, что ты откроешь его.

Открой свой собственный голос.

Потом следуй ему без страха.

Куда бы он тебя ни вел, там – цель твоей жизни, там – твое предназначение. Только там ты сможешь осуществиться, там ты найдешь чувство удовлетворенности.

Только там ты расцветешь, – а в этом цветении случается знание.

Как ты можешь знать себя? Ты еще даже не вырос. Может быть даже, ты все еще внутри своего семени; может быть, даже ростку не было позволено прорасти. Каждая религия об этом заботится: немедленно окрестить ребенка... сделать обрезание... отвести на какую-нибудь индуистскую церемонию... А ребенок совершенно не понимает, что вы с ним делаете.

Обождите!.. – даже для того, чтобы получить избирательное право, ребенку придется ждать двадцать один год, ждать до совершеннолетия – даже права вмешиваться в третьесортную политику ему придется дожидаться двадцать один год! Неужели для посвящения в религию не нужно зрелости? Я бы сказал, для решений относительно религии может быть подходящим возраст сорока двух лет... но никак не день от роду – ребенок едва успел родиться, а вы уже начинаете принимать за него решения; другие уже принимают за него решения.

Да, новорожденного ребенка можно поднести к урне для голосования. Ему можно вложить в руку бюллетень и помочь опустить бюллетень в ящик, и он под вашим руководством изберет президента или премьер-министра, – но ребенок совершенно не осознает происходящего: зачем этот ящик?.. зачем эта карточка?..

Ведь вы так не делаете. Вы понимаете, что для того, чтобы разобраться в политике, нужно время, хотя бы двадцать один год – не меньше. Но для того, чтобы разобраться в религии, вы совсем не отводите времени. Вы боитесь, – потому что, если вы дадите ребенку достаточно времени и не напустите ему в голову туману, прежде чем он начнет думать своей головой, прежде чем он услышит свой собственный голос, у вас ничего не выйдет. Вам уже никогда не сделать из него иудея или христианина, или индуиста, или мусульманина.

Может быть, однажды он станет религиозным, но это будет уже его собственный поиск. Может быть, однажды он найдет пути, ведущие к молчанию, пути, ведущие к самому центру существования, но это будет уже его собственное исследование.

И помните одно: что бы вы ни нашли сами, это приносит экстаз.

Если самого Бога дать вам в готовом виде, это не принесет вам экстаза.

Но иногда ребенок, бегая по берегу моря, находит самую обычную раковину... вы увидите, что ребенок в экстазе.

Когда я был совсем маленький, я возвращался с реки домой, и все мои карманы... – а у меня было очень много карманов, я непременно хотел иметь много карманов. Мой отец говорил:

– С этими карманами ты похож на сумасшедшего. Меня все время спрашивают... Ты без конца доставляешь хлопоты, и без всякой причины. Ну зачем тебе четыре кармана спереди и по два кармана по бокам?

– Они мне нужны, – отвечал я. – Мои потребности отличаются от твоих. Я никогда тебе не говорю, сколько у тебя должно быть карманов: это твое дело.

Мне нужны были карманы, потому что, когда я ходил на реку, я находил удивительные сокровища – множество красивых камешков, разноцветных, ярких, и я часами бродил по пескам, собирая их. И я возвращался домой с грузом, который был почти вдвое тяжелее, чем я сам.

Завидев меня у входа, отец говорил:

– Так вот для чего тебе нужны карманы! Ты что, сошел с ума? Зачем ты все время носишь эти камни? А нам приходится каждый день их выбрасывать.

– Ты не понимаешь, – отвечал я. – Можете их выбрасывать, но если бы вы хоть что-нибудь понимали... я испытываю такой экстаз, такую радость, когда вижу эти камни! Меня не интересуют твои деньги, мне не интересно ничто другое – я просто собираю камни.

Но радость была в том, чтобы их искать; чтобы долго идти вдоль реки только ради того, чтобы найти один красивый камень.

Однажды отцу это так надоело, что он привел четверых рабочих и сказал им:

– Пойдите на реку и принесите как можно больше камней, потому что он каждый день тратит на эти камни слишком много времени.

И они принесли полные ведра камней. Они точно знали, где их можно было взять – я понятия не имел, что там был рудник – и они высыпали их в моей маленькой комнате, где у меня был свой собственный мир и куда никому нельзя было входить. Отец сказал:

– Все это тебе. Теперь больше незачем ходить на реку, потому что ты не найдешь ничего лучшего. Мы собрали для тебя камни всех цветов и всех видов... ты тратишь слишком много времени.

– Ты отнял у меня всю радость, – сказал я. – Суть была не в камнях, а в том, чтобы их находить. А теперь я смотрю на эти камни – их здесь тысячи, – но не чувствую никакой радости. Уберите их. Ты что-то разрушил.

– Но, – сказал отец, – я думал, ты любишь камни.

– Нет, камни здесь не при чем, – сказал я, – я люблю не камни, я люблю их находить. Камни были только поводом. Иногда ты находишь камни, иногда ты находишь бабочек, иногда ты находишь цветы, иногда ты находишь истину, – но помни: красота всегда в том, чтобы что-то найти, а не в том, что именно ты нашел. Это только повод.

– Кажется, тебя трудно сделать счастливым, как ни старайся, – сказал отец.

– Это правда, – сказал я. – Никогда не пытайся сделать другого человека счастливым. Этого никто не может. Ты можешь сделать меня несчастным – это возможно, – но счастливым? Это мое абсолютное право: быть или не быть... Ты не можешь заставить меня быть счастливым; это насилие. Высыпав передо мной все эти камни, ты пытаешься сделать меня счастливым?

Но нечто подобное все равно случалось по всякому поводу. Постепенно в моей семье стали понимать, что, похоже, этот мальчик очень странный, и лучше оставить его в покое. В моей семье поняли, что в мои дела лучше не вмешиваться, да это и бесполезно – от этого все только осложняется: я находил такой выход, который делал положение еще более затруднительным.

Наконец, пришло время, когда я сидел в своей комнате, а моя мать заглядывала и говорила:

– Жаль, что тут никого нет. Я хотела послать кого-нибудь на рынок за овощами.

– Я тоже никого не вижу, – говорил я. – Точно никого нет, только я. Тут никого нет.

Меня вообще перестали брать в расчет – как будто меня и не было. Мать смотрела на меня и говорила: «Что-то я никого не вижу...» Или соглашалась со мной: «Я тоже никого не вижу, комната пуста», – и шла дальше, чтобы найти, кого послать на рынок.

Как только меня стали воспринимать так, будто меня нет – как только я был признан как никто... Я вижу в себе, что с того момента я не слышу никаких голосов. Должно быть, мне было лет девять или десять, когда меня признали – моей семье ничего другого не оставалось, как признать, что я никто: ни в чем на меня не рассчитывать, не поручать мне никаких дел. Даже в мелочах...

Моя мать говорила: «Сходи на рынок и принеси дюжину бананов», – и я шел на рынок. До рынка было недалеко, всего четверть мили; городок был маленький. Но на протяжении этой четверти мили я встречал столько людей, вступал в такое количество дискуссий, что к тому времени, как мне удавалось добраться до рынка, я уже не помнил, за чем пришел. К тому же

и время обычно было уже позднее. Я должен был поторапливаться, потому что солнце уже садилось – или давным-давно село.

Я приходил домой и спрашивал у матери:

– Так что это ты просила меня купить?

– Ты ни на что не годишься, – говорила мать. – Я просила тебя об одной простой вещи: купить дюжину бананов. И вот, через пять часов, ты возвращаешься с пустыми руками – и еще спрашиваешь!

– Что поделаешь? – говорил я. – По пути встречается столько людей, столько проблем, вопросов, споров. Когда я добрался до рынка, я уже забыл, что мне нужно было купить. Вот я и вернулся, чтобы спросить.

Мои родственники оставили всякую мысль о том, чтобы я мог быть чем-то полезен; но мне это было чрезвычайно на руку. Постепенно в собственном доме я стал своего рода отсутствием. Мимо меня проходили, как мимо пустого места. Со мной не нужно было здороваться. Не нужно было спрашивать, как я поживаю.

Я помню, что с тех самых пор я не нахожу внутри никаких голосов. Но до десяти лет меня пытались воспитывать не покладая рук, и поэтому, когда я начал работать над собой, мне пришлось перебрать все эти голоса и сознательно их отбросить. Это нетрудный процесс: нужно только понять, что ты слышишь не свой голос, что это голос твоего отца, или голос матери – или голос раввина... и тогда нужно сердечно распрощаться: «Как мило с вашей стороны было сопровождать меня до сих пор! Но здесь наши пути расходятся. Пришло время расстаться».

И как только все эти голоса исчезают и ты становишься пустым, лишь тогда... – потому что в этой толпе, в этой базарной сутолоке, в которую превратился твой внутренний мир, невозможно расслышать собственный голос... – лишь тогда ты начинаешь становиться собой. Тогда случится многое другое, но все это будет случаться естественно; тебе ничего не нужно будет делать.

Нужно будет только обезвредить все голоса, заглушавшие твой собственный голос, ничего больше. Как только это произойдет, в тебе начнет расти собственное прозрение. Постепенно ты начнешь осознавать проблемы, которых не осознавал никогда прежде, потому что у тебя на все были готовы ответы. Впервые ты начнешь слышать вопросы, вопросы чрезвычайной важности, существования которых в себе ты даже не подозревал.

А твой вопрос, в силу того, что он твой собственный, очень важен, потому что в самом этом вопросе скрыт ответ. Но вопрос должен быть твоим собственным – лишь тогда он несет в себе ответ.

Но все эти так называемые благожелатели постоянно передают вам свои вопросы, свои ответы. Никому нет дела до того, ваш ли это вопрос, нужен ли вам этот ответ. По существу, они даже боятся, что однажды вы найдете собственный вопрос. В тот день, как вы найдете собственный вопрос, все их ответы станут недействительными, все их писания станут чушью. И они боятся, что, открыв собственное существо, вы станете индивидуальностью.

Общество не хочет, чтобы вы были индивидуальностями, оно хочет, чтобы вы были христианами, хорошими христианами, хорошими иудеями, хорошими индуистами, – уважаемыми людьми. Но оно не хочет, чтобы вы были индивидуальностями, потому что индивидуальность движется, действует, живет в свободе. Индивидуальность будет счастлива умереть, но ее невозможно обратить в психологическое рабство.

Если ты индивидуальность, легче всего на свете познать себя, потому что теперь ты умеешь быть собой.

Теперь остается только закрыть глаза – и ты увидишь, кто ты.

Так что не разделяй вопрос на две части. Не спрашивай меня, что важнее, быть собой или познать себя. Я понимаю, откуда идет этот вопрос: в знаменитой максиме Сократа гово-

рится: «Познай себя», – а одно из величайших открытий современной психологии гласит: «Будь собой». Отсюда вопрос: что важнее?

Сократ не такой человек, которого можно отнести к прошлому. Иногда бывают люди, которые всегда будут оставаться современными. Сократ из тех людей, которые всегда будут оставаться современными. Когда он говорит: «Познай себя», – в этих словах подразумевается: как можно познать себя, не будучи собой? Так что, если ты хочешь познать себя, тебе придется быть собой. Это две стороны одной монеты.

Но, для начала, будь собой, – потому что в тебе многое было перепутано и нарушено, многое было перевернуто и смещено, многое было вообще у тебя отнято. Твое существо покрыто множеством слоев личности, поэтому тебе придется проделать с ним то же самое, что делают с луковицей: начни его чистить, как луковицу. Когда ты чистишь луковицу, стоит тебе снять один слой, как под ним обнаруживается следующий, более свежий, более живой. Ты снимаешь и его, но под ним – еще один, еще более свежий и живой... Так же и ты: многослойная личность покрывает тебя как луковая шелуха.

Английское слово *personality* – личность – весьма примечательно. Оно происходит от корня *persona*. В греческом театре актеры играли в масках и говорили из-под маски. *Sona* значит «звук». *Persona* значит «звук, исходящий от маски». Неизвестно, кто скрывается под маской, слышен только звук, и звук доносится от маски. От этого слова, *persona*, происходит английское слово «личность» – *personality*. Так и есть на самом деле: твоя личность, в буквальном смысле этого слова, не что иное, как великое множество масок. И все, что ты делаешь и говоришь, исходит от маски; ничто из этого не твое собственное, ничто не несет твоей истинной подписи.

Итак, сначала отбрось все свои личности.

И имей в виду: у тебя их много, не одна.

Обычно люди думают, что у них только одна личность, – абсолютно неверно. У вас много личностей. У вас их целый склад; так что всякий раз, когда вам нужно сменить личность, вы мгновенно надеваете новую маску. Мгновенно – не теряя ни секунды – вы становитесь другим человеком. Переодевание из одной личности в другую доведено почти до автоматизма. И их у вас так много, что вы сами не сможете сосчитать, сколько их всего.

Чем больше ваш набор личностей, тем более уважаемым и заслуженным членом общества вы становитесь. Очевидно, дополнительные личности дают вам больше возможностей. Они позволяют вам делать много такого, чего не могут другие.

Гурджиев играл со своими учениками в определенную игру. Он садился посередине, сажал двух учеников по обе стороны... – Он много работал с набором личностей. И он работал так сознательно, что научился, как умеют многие актеры, изображать... – Ученик, сидевший с одной стороны, видел по его лицу, что он в отличном расположении духа, а второй ученик, с другой стороны, видел его таким разъяренным, что страшно было сказать слово: подвернись еще, чего доброго, под горячую руку. Гурджиев умел одной половиной лица улыбаться, а на второй половине сохранять самое серьезное и хмурое выражение. Научиться этому очень трудно, но возможно, если долго тренироваться. Это выполняемая задача – то же самое делают актеры, хорошие актеры.

Когда вы смотрите фильм, вы смотрите его целиком; вы не видите, что в один момент актер должен засмеяться, в другой момент он должен заплакать. Пока фильм снимается, актер постоянно меняет одну личность на другую. Вы видите только историю, которую вам показывают; но что происходит с актером? Он влюблен – в женщину, которую ненавидит! – и он изображает любовь так, что похож на влюбленного даже больше, чем был бы настоящий влюбленный: в его глазах, на его лице, в его прикосновении – во всем видна любовь. На этот момент он становится влюбленным. Он полностью перевоплощается, надевает на себя личность человека, влюбленного в стоящую перед ним женщину.

Во второй сцене, может быть, ему нужно заплакать – а актеры учатся плакать, вызывать на глазах слезы. Поначалу им приходится использовать химические средства, чтобы вызвать слезы, но к таким средствам прибегают только начинающие. Когда актер становится настоящим профессионалом, ему ничего не нужно; он просто надевает на себя другую личность. Он выбирает печальный и горестный образ, и слезы сами наворачиваются на глаза. Он обманывает не только вас, он может обмануть даже химию собственного тела.

Эти множественные личности сопровождают вас всегда и всюду. Внутри вас целая толпа, множество совершенно разных людей – врагов, в постоянном противоречии, в конфликте, в борьбе. Вот почему люди испытывают такую внутреннюю боль. Другой причины для этой боли нет, причина единственная: множество голосов у вас внутри, и каждый противоречит всем остальным, борется с остальными, пытается подчинить остальных себе, – каждый отдельный голос пытается добиться главенства.

Гурджиев называет эти голоса «разными я»; это одно и то же. Называйте набор личностей как угодно: «масками», «разными я» или «разными эго». Поищите их внутри, наблюдайте их – и вы не сможете оторваться, это захватывающая игра.

Вечером вы принимаете решение встать в пять часов утра. Такое решение вы принимаете уже много лет, вы сами знаете – каждый вечер вы решаете... «Но в этот раз все будет по-другому!» – это вы тоже знаете. Каждый вечер вы говорите себе: «В этот раз все будет по-другому; завтра я встану. Всему есть предел!»

Но все это вы говорили себе каждый вечер. Вы не говорите ничего нового, но вы этого не осознаете. В пять утра, когда зазвонит будильник, вы просто нажмете на кнопку; и вы разозлитесь на будильник. Может быть, вы даже отшвырнете будильник подальше, потом перевернетесь на другой бок и скажете: «Как холодно! А тут еще этот дурацкий будильник», – и снова заснете. Вы должны поспать еще пару минут... и так много лет подряд.

Каждое утро «еще пару минут», – и вы снова засыпаете. Когда вы просыпаетесь, уже девять, и вы в очередной раз раскаиваетесь и с грустью думаете: «Как же это вышло? Ведь я решил встать». Потом все опять повторяется, но вы так и не понимаете, что вечернее решение принимает одна личность, а швыряет будильник утром уже другая. Действуют две разные личности; невозможно, чтобы действовала одна и та же личность.

Личность, которая говорила: «Завтра я встану», – уже не управляет событиями, ее смена кончилась. Теперь на смену заступила какая-то другая, и она советует: «Забудь все эту ерунду». Она швыряет будильник и говорит: «Спи! Только дурак вылезет из-под одеяла на такой холод!» Вам тепло и уютно, и вы поворачиваетесь на другой бок; после истории с будильником сон кажется еще слаще. И в девять, когда вы проснетесь, вам опять будет грустно. Но это уже другая личность. Она не швыряла будильник, не говорила: «Еще пару минут...» Теперь эта личность решает: «Завтра я встану, встану во что бы то ни стало!»

Так продолжается всю жизнь, но вы так никогда и не понимаете одну простую вещь: у вас много личностей, и каждый раз, когда на смену заступает очередная личность, она говорит по-своему, она думает по-своему.

Просто наблюдайте. Само по себе наблюдение приносит столько радости; и оно так драматично, что не нужно даже ходить в кино. Достаточно просто закрыть глаза, чтобы посмотреть целый фильм, который идет непрерывно; столько актеров, столько актрис, все что душе угодно – свежеснятый материал, без купюр...

Но прежде чем тебе удастся познать себя, ты должен быть собой.

Ты должен сбросить с себя, как одежду, все эти личности и достичь полной наготы.

С этого начинается все.

И тогда следующий шаг сделать очень просто. Труднее всего сделать первый шаг; второй шаг сделать очень просто. Когда множественных личностей больше нет, когда толпа внутри

исчезла, ты остаешься один. Закрой глаза, и ты увидишь, кто ты – потому что внутри больше никого нет. Только осознанность без объекта, осознанность в великом молчании.

Там тебе не встретится никакого Бога, никакой души, никаких ангелов – все это выдумки. А если ты вдруг кого-нибудь встретишь, помни: это очередная галлюцинация. Если ты встретишь Иисуса, гони его в шею! Если ты встретишь Кришну, скажи ему: «Убирайся. Вам всем тут не место. Оставьте меня в покое». Только Будде хватило храбрости сказать: «Если ты встретишь меня на пути, немедленно отруби мне голову».

Ты должен отрубить Будде голову; иначе ты не будешь один – а не будучи один, как ты можешь познать себя?

В одиночестве, внезапно, из ниоткуда приходит аромат, который называют просветлением. Ты озаряешься изнутри; впервые ты наполнен светом, вся темнота рассеялась.

Ночь кончилась, наступил рассвет – рассвет, который никогда не станет закатом.

Об авторе

Для получения более подробной информации посетите сайт **www.OSHO.com**

Это комплексный многоязычный сайт, где вы сможете найти книги Ошо, беседы с Ошо в аудио- и видеоформате, библиотеку архивных текстов Ошо на английском языке и на хинди, а также обширную информацию об Ошо-Центре медитации и отдыха.

Веб-сайты:

<http://OSHO.com/resort>

<http://OSHO.com/allaboutOSHO>

<http://OSHO.com/shop>

<http://www.youtube.com/OSHO>

<http://www.oshobytes.blogspot.com>

<http://www.Twitter.com/OSHOtimes>

<http://www.facebook.com/pages/OSHO.International>

<http://www.flickr.com/photos/oshointernational>

Связаться с «**OSHO International Foundation**» можно по следующим адресам:

www.osho.com/oshointernational, oshointernational@oshointernational.com

Книги Ошо не поддаются классификации. Его многочисленные беседы охватывают все темы – от поиска человеком смысла жизни до самых насущных социальных и политических проблем современного общества. Ошо не писал книг – его книги представляют собой аудио- и видеозаписи импровизированных устных обращений к слушателям со всего мира. Он говорил: «Помните: все, что я говорю, не только для вас... Я также беседую и с будущими поколениями».

Лондонская газета «Sunday Times» назвала Ошо одним из «тысячи создателей двадцатого века», а американский писатель Том Роббинс охарактеризовал его как «самого опасного человека со времен Иисуса Христа». Газета «Sunday Mid-Day» (Индия) включила Ошо – наряду с Ганди, Неру и Буддой – в десятку людей, изменивших судьбу Индии.

Сам Ошо о своей работе сказал, что он помогает создавать условия для рождения человека нового типа. Он часто называл этого нового человека «Зорба-Будда», который способен наслаждаться как земными радостями, подобно греку Зорбе, так и тихой безмятежностью, как Гаутама Будда.

Все беседы и медитации Ошо проникнуты мировоззрением, включающим в себя как вечную мудрость всех времен и народов прошлого, так и высший потенциал науки и технологии настоящего и будущего.

Ошо также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации. Его подход к медитации учитывает ускоренный темп современной жизни. Уникальные «Активные медитации» Ошо призваны, прежде всего, освободить тело и разум от стресса, чтобы затем было легче перенести в повседневную жизнь состояние покоя и свободного от мысли расслабления.

Существуют два автобиографических произведения автора:

«Автобиография духовно неправильного мистика» и *«Проблески золотого детства»*.

ОШО-ЦЕНТР МЕДИТАЦИИ И ОТДЫХА OSHO® MEDITATION RESORT

Расположение. Расположенный в ста километрах к юго-востоку от Мумбаи в процветающем городе Пуна, Индия, Ошо-Центр медитации и отдыха является прекрасным местом для того, чтобы провести здесь отпуск. Центр протянулся более чем на сорок акров по живописной местности, являющейся жилым районом. Прекрасные сады и леса раскинулись на территории Центра.

Уникальность. Ежегодно Центр принимает тысячи посетителей из более чем ста стран. Единственный в своем роде, Центр предоставляет возможность получить уникальный личный опыт нового образа жизни – жизни в большей осознанности, радости и творчестве. Центр предлагает большой выбор часовых и годовых программ. Ничего неделанье и отдых являются одной из них!

Все программы базируются на идее Ошо о «Зорбе-Будде» – качественно новом человеке, который способен как творчески участвовать в повседневной жизни, так и расслабляться в тишине и медитации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.